

The background of the book cover is a dramatic image of a chainsaw blade with a golden chain, set against a blue sky with white clouds. The blade is positioned diagonally, and a large, intense flame is visible behind it, partially obscuring the blade's tip.

Игорь Голубев

Грань добра

Сборник рассказов

16+

Игорь Голубев

Грань добра. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Голубев И. В.

Грань добра. Сборник рассказов / И. В. Голубев — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08148-2

Люди рождаются и умирают. Добиваются вершин и теряют надежду. Любят и ненавидят. Из столетия в столетие жизнь течет своим чередом. Что есть Добро или Зло? Правда и ложь? Как отличить одно от другого? Кто нам покажет эту грань? Грань между добром и злом. Представляю сборник фэнтези рассказов.

ISBN 978-5-532-08148-2

© Голубев И. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Предисловие	5
Эра ненависти	6
Маньяк	6
Вначале было слово	7
Колдунья	9
Похититель душ	10
Амулет	12
Эра ненависти (Амулет 2)	15
Пандора. Осколки времени	18
Опасный район	21
Мост	22
Перевозчик	24
Русь богатырская	25
Экспонат	25
Мертвый сезон	28
Чудь	31
Туфелька	33
Ругодив	35
Русалка	37
Час волка	40
Подкова	42
Поляница	44
Чистый лист	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Предисловие

Люди рождаются и умирают. Добиваются вершин и теряют надежду. Любят и ненавидят. Из столетия в столетие жизнь течет своим чередом.

Что есть Добро или Зло? Правда и ложь? Кто прав, а кто виновен? Где доброе становится злым, а злое добрым? Как отличить одно от другого? Кто нам покажет эту грань? Грань между добром и злом.

Представляю сборник рассказов о сверхъестественном в нашей жизни. И о простых людях.

Эра ненависти

Маньяк

Невысокая светловолосая девушка вышла из метро, прижимая к груди планшет. Яркое красное платье, белые летние туфельки, сумочка через плечо. Не спеша огляделась. Усталое летнее солнце, отдав свое тепло асфальту, деревьям и газонам, уползло за крыши многоэтажек. Легкий ветерок, играя бумажками и фантиками, принес запах зелени. От фонтанов пахло влажностью. Девушка решительным шагом направилась к парку. Городской, немного запущенный, парк уже закрыл свои дневные развлечения и понемногу пустел. Посетители расходились и лишь несколько полицейских, разомлевших от жары, продолжали свое дежурство. Девушка вступила в прохладную тень от деревьев.

Молодой мужчина, сидевший на скамеечке у метро, огляделся по сторонам встал и направился вслед за девушкой. Спортивно сложенный, аккуратная прическа, темные брюки и темный спортивный пиджак, упругая походка. Он вошел в парк и пошел по параллельной аллее, стремясь двигаться быстро и одновременно оставаться незаметным для девушки.

Тени от деревьев на траве по-вечернему удлиннились, стало прохладнее. Девушка медленно брела по аллее, глядя в планшет и что-то тихонько напевая в такт звукам из наушников.

Мужчина изготовился к нападению, наблюдая за девушкой из густого куста, в котором он притаился. В руке мужчина сжимал странный кинжал с волнистым лезвием.

–Стой, стрелять буду!– раздался сзади взволнованный и удивленный, но вместе с тем решительный голос. Молоденький сержант-полицейский уже доставал из кобуры табельный пистолет.

Мужчина понял, что его замысел раскрыт, но все равно прыгнул из кустов, пытаясь достать девушку ножом. Прозвучали выстрелы.

...

–Хорошая эта штука – дрон, удовлетворенно подумала ведьма, выключая панель управления на планшете, – все люди внизу как на ладони. И не надо колдовать. Эти тупые охотники на ведьм пытались обвести вокруг пальца даму с четырехсотлетним опытом. Фигушки.

Ведьма оправила красное платье, спрятала планшет в сумочку, поправила белокурые кудряшки, изобразила испуганные глаза и робко шагнула навстречу подходившему полицейскому.

Вначале было слово

Танюшка вжалась спиной в грязную кирпичную стенку. Никогда еще за свои четырнадцать лет она не испытывала такого ужаса. Несло вонюю из мусорных баков и чем-то кислым. Трое взрослых парней загнали ее в эту щель между домом и бетонным забором. Одинокая лампочка, качаясь и разбрасывая тени, скупо освещала заплеванный разбитый асфальт.

– Ну что, детка, поиграем в куколку Барби, – ощерился кривыми зубами один, щелкнув лезвием выкидного ножика.

– Cataegis, cataegis – ворвалось странное незнакомое слово в голову девочки.

– Ты чья, малышка? – ласково поинтересовался второй.

– Ничья, – выдавила Танюшка.

– Ну, раз ничья, значит общая – заржали гопники и, окружив Танюшку, протянули к ней жадные потные руки.

– Cataegis, – рванулся навстречу им крик, – cataegis (ураган лат. Прим. автора).

И вместе с криком к насильникам рванулся удар ветра. Двоих отбросило на несколько метров. Они вскочили и, ошарашено глянув на Танюшку, бросились бежать. Одного швырнуло на стенку дома. Он уронил ножик и лежал, скорчившись на земле. Его рвало. Кровь толчками выходила из носа и рта, растекаясь густой лужей.

...

– Ничего доченька, все в порядке. Ты уже достаточно выросла, что бы узнать правду, – мама нежно гладила Танюшку по голове, прижимая заплаканное лицо дочери к груди.

Танюшка, еще всхлипывая, устроилась поудобнее. Мама, как всегда, рассказывала очень интересно.

– Помнишь, в школе тебя учили, что слово или простой звук рождает у нас в голове образы или мысли. Так природа и люди воздействуют на нас. Но верно и обратное – наши мысли и образы, высказанные словами или звуками, могут воздействовать на природу или людей. Помнишь бабушку Агафью? Она дотрагивалась до больного человека и видела в своей голове его болезнь. Образ, который у нее возникал, рождал слова и звуки. Она нашептывала их больному человеку, и его организм воспринимал эти звуки как команду к лечению. Болезнь отступала. Некоторые люди, вызывая резонанс в воздухе, могут управлять неживой материей, рождая огонь или молнию, или ветер.

...

– Бей колдунов, руби, жги, – громкие крики слышались за околицей небольшого, на пять домов хутора.

– Бери малыша, и бегите к горе, Мари не отставай от мамы. Все бегите прочь, быстро, – Ален открыл заднюю дверь дома прямо в метельную круговерт. Человек двенадцать – женщины с малышами, дети, старики прямо в домашней одежде, по колено в снегу прорывались в пронзительный холод зимнего леса. На опушке Ален обернулся. Хутор пылал. Разъяренная толпа деревенских фанатиков уже обнаружила их следы.

Заканчивались силы. Люди, поддерживая друг друга, бежали от неминуемой смерти. Малышка Мари качнулась от усталости, сделала шаг в сторону от тропинки и провалилась куда-то вниз. В темноту. В теплое, мягкое, страшное...

...

Дальше бежать было некуда. Погоня прижала беглецов к отвесному склону горы. Ален вышел вперед, протянув к погоне руки. Он знал, что из них всех только он мог защищать. Лица деревенских жителей, обычно милые и добрые, были искажены злостью. Факелы в руках, топоры, колья, охотничьи луки. И ненависть. И жажда крови.

– Люди, опомнитесь, – Ален постарался их убедить – ведь это вы приходили к нам за помощью. Болезнь ребенка или коровы, переломы, роды. Мы все лечили. Ведь это мы вам всегда помогали. Мы дружили. И праздники проводили вместе. Опомнитесь.

– Убить колдунов, – завизжала старуха с факелом в руках. Преследователи, подняв оружие, бросились вперед.

Тогда Ален начал что-то шептать. С его рук сорвались жаркие огненные шары и понеслись к толпе. Несколько человек упали.

– Бееееей! – стоял крик. Стрела вонзилась в горло Алену. Огня больше не было. Ален упал на снег. Мимо него пронеслась озлобленная толпа. Хрусткие удары топоров в незащищенную плоть. Крики младенцев разорвали ночной холод.

...

– Милая, ты хорошая, ты добрая, ты поп malum (не злой лат.) – Мари в темноте берлоги гладила по шерсти и клыкам проснувшуюся огромную медведицу. Медведица рыкнула и с нежностью лизнула Мари в лицо.

...

Подростая Мари стояла у края деревни.

– Я вам за все отомщу, гады, вперед, мои друзья, protinus (вперед лат.).

Волки, окружавшие Мари, рванулись в деревню. Дико и страшно закричал ребенок. Волки разрывали жителей на куски. А Мари с триумфом шла по улице пустеющей деревушки. Невысокая, рыжая, с яркими зелеными глазами. Волки слушались каждого ее слова.

...

Мари сидела на полянке. Триумфа как не бывало. Наслаждение местью не пришло. Только кровь, боль и крики умирающих людей стояли в ушах. Вокруг понуро сидели волки. Они умоляюще смотрели на хозяйку. Слезы катились из волчьих глаз.

...

По всей Франции чадили костры. Инквизиция жгла ведьм.

...

– На всей земле живут такие как мы, доченька. Многие даже не знают, что их слово может вылечить или убить. Спасти или искалечить. Многим из таких как мы, но не познавших себя, в голове видятся образы, и неожиданные слова срываются с губ. Что эти слова принесут? Смерть или сочувствие. Падение горы, удар молнии или выздоровление ребенку? А может болезнь? А может неумело брошенное слово вернется бумерангом обратно к хозяину ужасным ударом? Никто не знает. Распорядись своими словами правильно. Как человек. Вот почитай, перед сном. Танюшка открыла Книгу и прочитала первую фразу: "В начале было Слово!"

Колдунья

Аккуратный, не очень большой двор в новом квартале многоэтажек был еще чистеньким, светлым и ухоженным. Новые скамейки еще не были изрезаны полупьяными хулиганами, а вокруг урн для мусора не были набросаны окурки и банки от пива. На первых этажах расположились магазины и многочисленные офисы. Двое молодых мужчин внимательно рассматривали временные вывески.

– Вот, кажется здесь, – показал рукой один из них, невысокий, вихрастый, с утонченными чертами лица.

– Да, пошли уже, работы много – второй, высокий и сильный, постарше, с большой сумкой в руках, выглядевший по-деревенски просто, нажал на кнопку домофона.

...

– Входите, я колдунья, меня зовут Меритэ, – открывшая им дверь черноволосая женщина лет тридцати пяти в черном с синими узорами платье, провела мужчин в приемную, – плату оставьте вон на том столике, присаживайтесь. Что бы Вы хотели узнать?

Приемная обставлена в магическом стиле, черный ворон грустно смотрел на посетителей из клетки в углу.

– Мы журналисты, развиваем издание «В мире интересного», хотим написать статью о Вашем искусстве, расскажите, пожалуйста, о себе, – молодой сразу перешел к делу и достал внушительного вида книжку, старший вынул из сумки и настроил видеокамеру.

– Ну, все, в принципе, есть на моем сайте и в объявлении, – начала колдунья, – я потомственная колдунья, прорицательница. Свой дар я получила от матери в 15 лет. Владею Родовой силой и сакральными знаниями. Практикую энергокоррекционные ритуалы. Работаю с магией стихий. Отливаю негатив. Заговариваю. Работаю с помощью Светлых и Темных сил. Могу справиться с любой жизненной ситуацией.

– О, даже Темных? – молодой сделал пометку, – а это не опасно?

– Вовсе нет, – колдунья протянула глянцевою брошюру, – я работаю с Темными силами в полном с ними контакте и взаимном доверии. Они особенно помогают в сложных ситуациях. Я могу заговорить девушку, что б она любила только Вас. Могу снять или наложить порчу. Наложить – дороже. Могу поправить Ваше здоровье и даже отложить надолго Вашу смерть. Предскажу будущее. Помогу в повышении по работе. Продам амулеты и обереги. Цены – в брошюре.

– Итак, Вы действительно колдуете с помощью Темных сил?

– Ну конечно! Суть предпринимательства в том, что все, что не запрещено законом – автоматически разрешается. Понимаете меня?

– По-моему все понятно, признание есть – обратился молодой к напарнику, – все заснял? Заканчивай тут, я покурю на площадке.

– Именем Святой Инквизиции..., – начал старший, доставая из сумки кинжал и флакончик со святой водой.

...

Молодой вышел на лестничную площадку, закурил сигарету и развернул местную газету. Последние страницы пестрели объявлениями.

«.. Заговорю, сниму и наложу порчу, сглаз, приворожу, отважу, наколдую...»

Похититель душ

Нестарый еще человек сидел на скамеечке, шурясь от солнышка и внимательно, с удовольствием, наблюдал за происходящим вокруг. Черный потертый костюм, белая рубашка, галстук-бабочка в горошек, старомодная черная шляпа и трость.

– Наш клиент, – подумала цыганка и дернула пятилетнюю дочку за руку, – пойдем Злата, пора работать.

Обе черноволосые, в ярких цыганских платьях, платки, бусы, браслеты.

– Вижу несчастье в твоей жизни, красавец, позолоти ручку, а я тебе погадаю, все, что было, все что будет – расскажу – начала цыганка.

– Дядя, дайте на хлебушек, – протянула, всхлипывая, Злата.

Человек посмотрел на них удивленно и с любопытством.

– Ну, расскажи, раз ты все знаешь, – не спеша протянул человек.

– Тебя ждет повышение по работе, много денег и красивая женщина. А несчастья твои станут удачей, – заученно затараторила цыганка, – хочешь, сниму с тебя порчу?

– Все правильно, – благостно откликнулся человек, протягивая цыганке купюру, – а вот ты, красавица, все ли о себе ведаешь?

Цыганка сбилась с мысли. Пять тысяч – редкий улов, но о ней самой никто никогда не спрашивал.

– А я расскажу, – повернулся к цыганке человек, – живете всей семьей в поселке за городом, муж пьет и регулярно бьет тебя, тесть заставляет каждый день ездить с дочкой в город просить денег, оба брата в тюрьме, а когда ты глядишь на кузена, то у тебя такие мысли, о которых при дочке рассказывать не стану. Да и много еще у тебя мыслей.

Цыганка заморожено смотрела на человека. Откуда он все узнал? Из полиции? Не похоже.

– Скажи, – продолжил человек, ты веришь в душу?

– Да плевала я на эту твою душу, – неожиданно сорвалась цыганка, – мне бы денег зарабатывать, да доченьку мою вырастить, что б человеком была, на все для нее готова.

– А я помогу, – спокойно произнес человек, – но взамен мне отдашь то, во что не веришь. Просто дай мне свою руку.

Как во сне, с безумной надеждой, цыганка протянула незнакомцу руку.

...

– Мамочка, не бросай меня, мамочка, пожалуйста, я тебя люблю, пожалуйста – Злата цеплялась за руку матери.

– Ты мне просто безразлична, пошла вон, – цыганка оттолкнула руку дочери и скрылась в бездушной толпе.

Злата села на траву газона и горько заплакала.

...

– Ты что потерялась? – два сержанта полиции вышли из патрульной машины и подошли к девочке.

– Нееет, – снова заревела Злата, размазывая слезы по чумазому лицу, – мама меня бросила.

– Ну, поехали с нами, поможем – протянул один из них руку.

...

Опорный пункт полиции приткнулся позади большого универсама. Внутри пахло табаком, затхлостью и канцелярщиной. И горем.

– Это к тебе, – сержант слегка подтолкнул Злату в кабинет, – говорит, мама ее бросила.

Лейтенант полиции Антон Круглов, инспектор по делам несовершеннолетних, хмуро глянул на заплаканную девочку.

– Похоже, вечер со своей девушкой придется отложить, – зло подумал Антон, и обреченно вздохнул – рассказывай, что там у тебя.

Выслушав сбивчивый рассказ девочки, Антон задумался. Скорее всего, это выдумки и вранье. Цыгане вообще всегда врут. Но девочку жалко. Тем более он знает, где живут цыгане. В такой поздний час из приюта за ней уже не поедут. По инструкции надо было составить рапорт, оставить девочку до утра в обезьяннике. А утром отправить с документами в приют. Там никто ее родных разыскивать не будет. Дадут новое имя, и появится в стране еще одна сирота. Эх. Надо идти к Михалычу.

Михалыч, начальник отделения, перехаживающий в майорах уже второй срок, был человеком душевным и справедливым. Не раз помогал в трудных ситуациях. За подчиненных был всегда горой. За что начальство его и не любило.

Подойдя к двери начальника, Антон услышал из-за двери музыку и голос Михалыча. Михалыч сидел в расстегнутом кителе, без галстука, с почти пустой бутылкой водки на столе и пьяненько подпевал телевизору.

– Товарищ майор, – обратился по-уставному Антон, – тут девочка – потеряшка. Поздно уже. Дайте экипаж, пусть отвезут ее в пригород, я знаю адрес ее семьи.

– А мне, иик, полковника дали, счастливо захихикал Михалыч, и в Москву переводят, – он налил в чашку водки и залпом выпил, – вы все мне просто безразличны, нет до вас всех дела. К новому начальнику придешь.

...

– Ну и черт с ними всеми, – думал Антон, пристегивая Злату на заднем сидении своего старенького Рено, – сам отвезу, все равно вечер уже накрылся.

– И откуда берутся эти бездушные люди? – думал он, выруливая с полицейской стоянки.

Свет фар выхватил из темноты пустые скамейки бульвара. На одной из них на мгновение мелькнул силуэт человека в старомодной шляпе и с тростью. А может, показалось?

Амулет

– Вяжи крепче эту гадину, сколько бед натворила, ну ничего, огонь все очистит – стражник передал конец железной цепи товарищу. Запястья Олеси были накрепко стянуты серебряной цепью. Грудь плотно охватила серебряная сеть. Столб в центре площади был шершавый и теплый от солнца.

...

– Олеся, дочка, вставай скорее, – мать трясла ее за плечо, – быстрее беги в лес. Глаза матери стали изменять свой цвет с изумрудно-зеленого на черный. Когда у мамы были такие глаза, Олеся ничего не спрашивала, а делала. Олеся выскочила из землянки и помчалась в густой предрассветный туман леса. Она едва успела скрыться в зарослях, как на полянку перед землянкой вылетели всадники.

Утреннее солнце брызнуло на бронзовые доспехи и красные плащи. Статные, как на подбор, гнедые лошади несли два десятка крепких седоков с копьями и мечами в руках.

– Стражи Аркаима! – с ужасом поняла Олеся. Мама показывала их издали. Этот особый отряд охотился за такими, как мама.

Высоко вверху, над землянкой, небо стало темнеть, тучи сгущаться. Всадники швырнули внутрь землянки подожженные горшки, и изнутри повалил густой, вонючий дым. Мать с отцом, все в дыму выскочили из землянки. Отец бросился на стражей, но один из них, заученно – лениво махнув мечом, как будто отгонял муху, свалил отца под копыта.

Жутко засвистел и завыл ураганный ветер на полянке. Он рвал плащи всадников и выбил некоторых седоков из седел. Мать на глазах стала меняться. Седые волосы, скрюченные руки, протянутые к Охотникам, черные бездонные глаза. Искривленный в ненависти рот. Всадники встали в коловод. (Коловод от слова кола – круг, кольцо (ныне мы говорим хоровод) – боевое построение всадников, когда они кружат вокруг своего врага, не давая ему сосредоточиться. Прим. автора). Двое Охотников, заехав сзади и растянув серебряную сеть, набросили ее на колдунью.

Колдунья упала на землю. Там, где серебряная сеть касалась кожи, стали появляться язвы и пошел черный дым. Колдунья закричала от боли и стала кататься по земле. Старший Охотник соскочил с лошади и, бросившись к колдунье, разорвал ворот рубахи.

– Нет амулета, – обрадовано воскликнул он, – бей!

Десяток копий пригвоздили колдунью к земле. Над серебряной сетью перестал идти дымок только тогда, когда, пройдя сквозь тело, она коснулась земли.

...

Над Аркаимом вставало утреннее солнце. Улицы древнего города, построенного в виде концентрических кругов, замыкались на главной площади, бывшей и рынком для торговли со всей Гардарикой и местом народных собраний. Сейчас там был вбит в землю столб. Привязанная к столбу Олеся видела, как к площади стекаются эти людишки, жадные до зрелищ. Ну, ничего, будет им зрелище.

...

Олеся остановилась у небольшого поля. Вдали виднелись белые стены Аркаима. А здесь, как и на соседних полях, собирала урожай семья земледельцев.

– Эй, вы, – закричала Олеся, – живо принесите мне еды и воды.

К Олесе подошел пожилой человек с кувшином воды.

– Еды нет, вот попей, – протянул он кувшин, – только просить то добром надобно. На добро тебе добром и ответят. Неужто мамка не учила?

– Мамка? – заорала Олеся, – да как ты говоришь со своей повелительницей?

Глаза Олеси потемнели. Черной воронкой закружил вихрь над полем. Полыхнул вниз беспощадным ударом огня. На выгоревшем вмиг поле лежали обугленные тела. Крики убегающих в страхе с соседних полей людей отдавались в голове назойливым звоном. С нескольких полей у леса тоже поднимался в небо черный дым.

...

– Вот и пришел тебе конец, ведьма проклятая, – подбросил охапку валежника к ногам Олеси один из стражников, – больно, небось, от серебра то?

– Да вы все кретины, сейчас повеселимся – хрипло рассмеялась Олеся.

Внезапно, один из стражей замер в страшной догадке. Он бросился к Олеся и, разорвав на груди у нее рубаху, в ужасе отпрянул прочь.

– У нее амулет! – заорал он, – зовите правителя!

...

Олеся, закрывая ладошкой рот, что бы не закричать от ужаса, мчалась через лес. Ветви хлестали по лицу. Единственное место, которая она знала – это была пещера Богини. Пещера, надежно скрытая от чужих глаз на берегу лесного озера, манила к себе. Богиня в пещере была высечена из камня в незапамятные времена. Черты лица от времени стерлись. Местные называли ее Каменной бабой и очень хотели найти, думая, что она охраняет сокровища. В пещере всегда горел магический зеленоватый огонь и единственное сокровище богини – это ее амулет. Самородный фиолетовый камень на кожаном шнурке.

Олеся с мамой иногда приходили сюда. Вместе они возносили хвалы неизвестной Богине. А после мама осторожно дотрагивалась до амулета. Говорила, что амулет дает ей силу.

...

Начальник стражей Аркаима, Охотник за колдуньями с недоверием смотрел на амулет на шее Олеси. Над городом начали сгущаться тучи, и подул еще слабый ветер.

– Всем людям – бегом из города, ничего не брать – закричал он и швырнул факел в груды дров у ног Олеси.

...

Олеся заплакала и прижалась к Богине. Богиня – единственная, что осталось от прежней жизни. Амулет под рукой дрогнул и подарил ладони тепло.

– Очень хочу пшеничную лепешку, – подумала Олеся.

И прямо в руке появилась лепешка. Тут же дикая боль пронзила руку, и появилось желание разрушать. Мама называла это равновесием. Если ты что-то создала, значит, для равновесия надо что-то разрушить. Олеся выскочила из пещеры и всю свою боль бросила в сосну на другом берегу озера. Сосна вспыхнула, подломила и с шипением огня упала в воду. Олеся вернулась в пещеру и надела амулет богини себе на шею.

...

– Огонь не может мне ничего сделать, – захохотала Олеся, глядя, как огненные языки лижут ее голые ноги.

– Я знаю, – угрюмо ответил Охотник за колдуньями.

Люди толпами покидали город.

...

Еще одна созданная лепешка уже не вызвала боли. А разрушение? Олеся вышла из пещеры и бросила свое желание в лес. Огненный вихрь охватил деревья вокруг. Они стали ломаться от жара. Огонь громко гудел. С ужасом Олеся смотрела, как подломленная, охваченная огнем сосна, падает на нее, нацелившись острой веткой в грудь. Удар.

Олеся открыла глаза. Сосна, коснувшись Олеси, рассыпалась, засыпав девочку по колено щепками. Щепки яростно горели вокруг нее. От жара запекалась земля. Но Олеся огонь ласкал и лизал, как игривый добрый щенок.

...

Смертельный ураган кружил по площади. И в его центре были только двое – Олеся и Охотник за колдуньями.

– Станьте передо мной на колени, и я сохраню вам жизнь, серебром и огнем меня убить нельзя, я – хозяйка амулета, я – Богиня – закричала Олеся сквозь стену огня.

– Не убить, – согласно прокричал сквозь ветер охотник, – нужен третий элемент.

Вдруг Охотник выхватил меч и решительным ударом отсек себе левую руку. Кровь Охотника за колдуньями фонтаном брызнула в огонь, на серебро, опутывающее Олесю. Жуткая боль пронзила все тело колдуньи. Серебро начало въедаться в плоть, прогрызая страшные раны. Третий элемент заработал. Обессиленный Охотник упал на колени перед Олесей и, качнувшись, рухнул плашмя, к ее ногам, лицом в огонь.

...

Люди со страхом увидели, как над стенами их Аркаима взвилась в небе черная воронка. Оглушительный удар огня рухнул на город, снеся его до основания. Из серых низких туч полил мощный очищающий дождь.

Вернуться на руины города люди не смогли. Неспящее, яростное зло отбрасывало их прочь. И люди ушли на юг. В своем многолетнем походе они строили города и называли их всегда одинаково – Аркаим, Еркаим, Ершаим, Ершалаим (современный Иерусалим прим. автора) в память о начале цивилизации и для предостережения потомкам о зле, которое сейчас спит где-то в Сибири.

Эра ненависти (Амулет 2)

– Да ты хоть в постель с ним ложись, пусть он охотник, но в эту экспедицию попади, – Зинаида Ефимовна откинулась на спинку кресла и строго глянула на Ольгу поверх очков.

– В постель? – мурлыкнула Ольга, бросив удовлетворенный взгляд в зеркало платяного шкафа на стройную талию, высокую грудь и копну огненно-рыжих волос, – это можно.

– Вот дура, – подумала Зинаида Ефимовна, – девке семьдесят девять лет, а все ведет себя как девятнадцатилетняя.

– Что там искать то, в этом Аркаиме? – Ольга настроилась на деловой лад.

– Мы и сами не знаем. Видящая чувствует, что там может быть скрыт наш древний артефакт невиданной силы. Может, даже амулет Богини. Ты – лучшая, хоть и, кхм, ладно. Найдешь и доставишь его в Санкт-Петербург. Любой ценой. Повторяю – любой. Если потребуется убить – убьешь. Вот, – профессор протянула Ольге медный браслет, – это поможет в поисках.

...

– Нам не удалось отстоять идею затопления Аркаима, – Магистр стоял у высокого окна, выходящего на Неву, – кто-то в правительстве нам сильно мешал, да еще академия наук подключилась. Особенно активничала эта Зинаида. Ведьма.

Магистр обернулся и глянул на собравшихся. За длинным черным столом собрались командиры подразделений Охотников за ведьмами. Суровые бойцы, прошедшие огонь и воду.

– Что у нас с разведчиком? – глянул на одного из них Магистр.

– Михаил сейчас в больнице, в Челябинске, – ответил хмурый охотник, с коротко подстриженной бородой и красными ожогами на лице, – он что-то почувствовал на центральной площади Аркаима, где еще не было раскопок. А позже его нашли неподалеку местные жители. У него лучевая болезнь (заболевание в результате воздействия радиации прим. автора) последней стадии, хотя в Аркаиме радиации нет. Жить осталось от силы пару недель.

– Раз мы не смогли уничтожить артефакт, придется его забирать. Я добился отправки научной студенческой экспедиции. Ее возглавит Евгений. Там может быть только лучший.

В конце стола поднялся высокий молодой человек с мягкими чертами лица и решительными глазами.

– Там где то скрыт Великий артефакт Охотников. Что это – мы не знаем, но мы, наконец, получим оружие, способное положить конец всему ведьминому племени. В группу отберешь только проверенных людей. Я уверен, что Зинаида захочет нам подсунуть своего человека. Будь осторожен.

...

– Чашечку чаю? – директор музея галантным жестом предложил Зинаиде Ефимовне мягкое кресло.

– Нет времени, благодарю, – Зинаида Ефимовна уверенно склонилась над директором, опираясь на его стол, – Охотники организовали студенческую экспедицию в Аркаим. И опередили нас. Очень быстрый ответ на наш запрет затапливать Аркаим. Мы не можем позволить, что бы они нашли наш артефакт. С ними в экспедицию пойдет Ольга. И Вы организуете это.

– Но позвольте, – директор решительно махнул рукой, – я и так много сделал для ваших сестер. Чего только стоили труды по спасению от затопления Аркаима. И, кроме того, я завтра уезжаю на симпозиум, в Италию.

– Вы академик, член Президиума академии наук, скажете, что Ольга – Ваша внебрачная дочь. Они не посмеют отказать. Сделаете, как я сказала, иначе...

Зинаида Ефимовна могла быть очень жесткой.

*-Черная змея поселилась в наших степях
Это вечная ненависть, пропитавшее ядом эту землю
Спи мой сынок, мой месяц золотой,
Зло никогда не придет в нашу юрту.
(Старинная татарская колыбельная)*

...

В Аркаим экспедицию доставили из Магнитогорска на вертолете. Семеро студентов. Юноши и девушки, горящие желанием немедленно увековечить свои имена ошеломляющими историческими и археологическими открытиями. Руководитель экспедиции, молодой преподаватель археологии, распорядился стать лагерем недалеко от недавно найденной стоянки древнего человека. И речка рядом и от Аркаима недалеко.

– Евгений, – обратилась к нему рыжеволосая Ольга, – так не терпится посмотреть на древний город. Можно?

– Вот что, Оля, ты попала в экспедицию благодаря своему папе, – но работать будешь наравне со всеми, – сейчас мы ставим лагерь и готовим ужин. А завтра с утра все вместе пойдем и составим план работ. Все. Без возражений.

Уж кого-кого, а эту ведьму он намерен полностью контролировать.

...

Летняя ночь упала на степь внезапно, как мягкое покрывало, наброшенное на колыбельку ребенка. Огромные сапфиры звезд вышивали на небосводе строчки вечной песни безбрежному миру. В журчание речки вплетался боевой крик охотящегося канюка. Пахло пылью и солью. И временем.

– Здесь не было людей, а эти курганы, эти реки, эти звезды тут уже были, – глядя на этот бесконечный мир, думал Евгений, – и если людей не будет, то эти холодные звезды будут продолжать освещать эти места. И все также птицы будут вылетать на охоту. И речка журчать. Мы чужие в этом великом мире. Кто мы такие, что бы уничтожить жизнь на земле?

Белая сова, бросившись за мышонком, прервала размышления. Евгений осторожно вылез из палатки. Лагерь спал. Палатка, где разместилась Ольга, была закрыта на молнию. Значит, тоже спит. Крадучись, он пошел к площади Аркаима.

*-Белый сокол летит погубить змею, и думает, что принесет добро
Но тогда погибнет и наша земля, пропитанная ненавистью
Спи, мой бесценный, спи моя кровиночка
Лучше всех ты на земле.
(Старинная татарская колыбельная)*

...

Браслет разогревался все сильнее. И, почти в центре древней площади, начал жечь так, что пришлось его сорвать и бросить на землю.

– Это здесь, – подумала Ольга и оглянулась вокруг.

Руины древнего города затаились под черным небом, равнодушно глядящим сверху вниз на бесконечную степь. Ведьмы, охотники, люди, тайны. Что это все против магии вечности?

...

Маленькая лопатка отбрасывала в сторону куски ссохшейся земли. В нетерпении Ольга начала помогать себе руками. Пошла мягкая почва, похожая на пепел. Значит уже близко. Она слышала от студентов, что город сгорел по неизвестной причине. Лопата звякнула обо что-то металлическое.

Ольга протянула руку к находке, и тут же девушку отбросило в сторону. Рука онемела. Пальцы скрючились. Это была рукоять древнего бронзового меча. Какое то защищающее заклятие? В слезах упорства Ольга подхватила свой медный браслет и, преодолевая боль в руках от ожога, снова пошла к яме. На этот раз браслет выпал из рук чуть дальше погруженного в древнюю золу меча. Ольга руками стала разрывать неподатливую землю.

Блеск под рукой в лунном свете. Старая цепь. Осторожно поддеть лопаткой. Мягкая, как воск. Серебро. Дальше. Надо копать дальше. Какой- то твердый прозрачный комок. Драгоценный камень? Голубоватый свет откуда-то сзади ударил между лопаток и прошел насквозь.

...

Ольга открыла глаза. Она лежала на земле недалеко от ямы. Холод. Евгений ударил ее заклинанием холода. Но почему то не убил. И странно. Обычно охотники лезут с кривыми кинжалами, крестами, серебром и святой водой. А здесь вполне ведьминская магия.

Евгений сидел у ямы, спиной к Ольге, держа в руке бронзовый меч. Ему руки, похоже, совсем не жгло рукоятью. Кончиком меча он в задумчивости гонял фиолетовую искорку камня.

Плотный сгусток воздуха ударил внезапно, отбросив и обездвижив.

...

– Да, Амулет Богини и Меч Повелителя неразрывно связаны огнем, серебром и кровью, – Евгений и Ольга сидели на противоположных краях ямы, – охотник может взять только меч, а ведьма амулет. Но разойтись не смогут. Артефакты вместе навечно. Они – смерть этого мира. Попытаемся разъединить – мир разорвет напополам. Оставим как есть, спрячем – придут другие и все равно найдут. Эти вещи соединила ненависть. Веками эта ненависть жила в каждом из нас. Была залогом хрупкого равновесия. Но дальше так быть не может. Разрушить артефакты ненависти сможет только любовь. Этот мир должен жить. Даже без нас.

Они потянулись за артефактами и их пальцы встретились.

...

Над древним Аркаимом, в ночном небе, затмевая звезды, бешено и беззвучно кружилась воронка из стужи и ветра. Она стыдливо закрывала мягким занавесом старую площадь города. Яркий столб всепоглощающего очищающего огня рванулся к земле и мягко обнял, как игривый щенок, двух любящих людей, соединив навечно их сердца.

-Если они не могут воевать, значит, могут любить.

И они вместе улетят на небо и навсегда освободят эту землю.

Спи мой лучик, спи спокойно, моя радость,

Придет день и эта земля освободится от ненависти.

(Старинная татарская колыбельная. Художественный перевод автора)

Над пустыми развалинами оживал солнечный день. Благодарная степь легким вздохом ветерка затягивала пылью рану от старого кострища в центре площади. Птицы больше не боялись летать над площадью.

Закончилась эра для этой земли. Эра ненависти.

Пандора. Осколки времени

– Отвечай, ведьма, где сосуд тот сокрыла, и купишь себе легкую смерть, – Малюта Скуратов, взяв старуху за подбородок, заглянул ей в глаза, – сама рассуди – сколько жизней невинных спасти можешь.

Пыточное подземелье освещалось пляшущими отблесками чадающих факелов на стенах. От раскаленной докрасна жаровни шел нестерпимый жар. Дюжий палач робко сторонился предводителя опричников.

– Невинных? – ведьма повернула свое лицо, все в страшных язвах и струпьях, и вперила горящий взгляд в своего мучителя, – будьте вы все прокляты. И ты, и царь твой безродный и народ твой, кресту поклоняющийся. Тысячи болезней и горестей вырвутся на волю, и пойдет пировать черная смерть. Никого не пощадит. От скверны поганой, землю нашу родную очистит.

...

И собрал Зевс богов и богинь олимпийских. И рек он им об отступничестве людском. И гневом наполнено было сердце громовержца. И приказал он Гефесту, богу-кузнецу, создать женщину из воды, железа, да земли. Афродита красотой ее наделила, Гера – умом, Гермес – изворотливостью.

Афина одарила одеждами златоткаными. И нарек ее Всемогущий Зевс именем Пандора, что означает «всеми одаренная». И вдохнул Зевс в Пандору жизнь и любопытство неудержимое, да на землю послал людям на погибель.

...

Жестокий ливень вспышками молний отражался на скользком шоссе. Автомобиль несся в ночь, пробивая дорогу в хаосе воды и темноты. На заднем сидении лежала женщина. Родовые схватки заставляли жалобно стонать от боли. Водитель давил на газ. До ближайшей больницы еще двадцать километров.

Яркий внезапный свет фар грузовика, появившегося из-за поворота, резанул по глазам. Неосторожное движение рулем и неуправляемый автомобиль заскользил в кювет. Удар. Скрежет смятого металла. Изломанная легковушка, наполовину засыпанная землей, угрюмое шуршание холодного дождя.

...

– Ребенок еще жив, роженицу не спасти, – ассистирующий хирург поднял глаза.

– Спасаем ребенка, – коротко приказал оперирующий хирург, – реаниматолог – готовить искусственную вентиляцию легких; скальпель – операционная сестра быстро подала инструмент.

...

– Какая же ты красавица, – приговаривала палатная сестра, укутывая девочку в пеленки, – хирурги сегодня, считай, жизнь тебе подарили. Тебя так и надо назвать – Дарьюшкой.

...

И не послушала Пандора запрет мужа своего Эпитемея. И открыла она запретный сосуд. И тысячи бед и болезней вырвались из плена наружу. И никто не мог спастись. И лишь надежда на чудо жила в сердцах людских.

...

– Нашла! Я его нашла! – Дарья свистящим шепотом кричала в телефон, – оно тут, в склепе, как я и говорила.

– Даша, даже не вздумай лезть сама, – голос ведьмы-наставницы наполнился металлом, – жди нашу специальную бригаду. Это может погубить весь мир. Все умрут. Понимаешь? Дай координаты. Где ты?

– Я это нашла, я и открою. И буду самой сильной ведьмой на земле – Дарья отключила телефон.

Пропитанный запахом мертвого подземелья старинный склеп, чуть освещался светом безглазой луны, заглядывающей в узкую щель приоткрытых кованых дверей. Каменные саркофаги безучастно глядели на разрушенные временем влажные заплесневелые стены, разбросанные по полу куски каменной кладки, паутину, пыль и на девушку, стоящую на коленях в углу.

Лежащий на грязном полу ручной фонарик освещал пробитую в стене дыру, за которой угадывались ступени вниз. Девушка пыталась расширить пролом, что бы пролезть внутрь.

...

Стертые от времени ступени увели Дарью глубоко под землю. Внизу был вырублен в скале небольшой зал. Свет фонарика выхватил сферические стены, покрытые странными рисунками и каменную стелу в центре, на которой стоял древний глиняный сосуд. Где-то далеко слышался звук капель, падающих на металлический лист. Пахло мхом, влажной землей и тоскливой безнадежностью.

Дарья медленно подошла к сосуду. Вот она – мечта и цель всей ее жизни. Древний эликсир. Сосредоточие силы. Ответ на все вопросы. Власть над миром. И все эти рассказы про таящуюся там смерть – просто обереги. Жгучее желание узнать правду заставило Дарью протянуть руку.

– Его нельзя открывать, там смерть всей планете! – раздался спокойный голос сзади.

Дарья резко обернулась. На ступеньках стояла девушка. Невысокая, светловолосая. В белой блузке и синих джинсах.

– Там хаос и зло древнего мира, проклятье богов – продолжила девушка, – мы не сможем сдержать это. Никто не сможет. Никто не знает, как это победить.

– Ты кто, вообще, такая, – Дарья была взбешена самим фактом, что ей помешали удовлетворить любопытство.

– Я хранитель, – девушка шагнула ближе, – испокон века наш род оберегает этот сосуд от любопытства неосторожных и бездумных искателей.

– Глупости, – Дарья повернулась к девушке лицом, – я не брошу дело всей моей жизни из-за пустых предрассудков. Вместилище силы – мое.

Резким движением Дарья швырнула молнию. Девушку-хранителя отбросило назад. Она со стоном скорчилась на земляном полу и затихла. Дарья подошла к сосуду. Он стоял такой манящий, такой загадочный. Сила веков. Мощь древности. Его округлые глиняные бока приятно холодили ладонь.

Запечатанное старым воском с замысловатой печатью горлышко так и манило своей таинственностью. Решительным движением Дарья отбила горлышко и заглянула вовнутрь сосуда. Черная маслянистая жидкость, как жидкая ненависть, стала стремительно превращаться в пар, окутывая Дарью сладким дурманом.

Как щупальца неведомых морских гадов, поползли по щекам холодные ручейки. Кожа на лице начала лопаться, обнажая язвы и заставляя заживо гнить кости. Дарья закричала от ужаса и бросилась к выходу. На нижней ступеньке лестницы, тяжело дыша от напряжения, сидела хранительница.

– Нам не справиться, – прошептала она и дернула скрытый рычаг. Раздался звук обвала, и лестницу наверх прочно завалило камнями с песком.

Дарья почувствовала, как сотни маленьких острых зубов впиваются в ее плоть и забирают силы. Преодолевая боль, она подползла к девушке.

– Прости меня, – прошептала она, – прости мое любопытство и жажду власти, прости мою самовлюбленность и пренебрежение советами. Ты была права. Скажи мне свое имя.

И, сквозь замутившийся рассудок, через наступающие темные образы и искореженное сознание, она услышала слабый ответ:-

– Надежда!

Опасный район

– Быстрее, надо попасть домой быстрее, – пожилой, скромно одетый человек, почти бежал по темным улицам.

Засыпающий город ворочался с затихающим ворчанием. Плотное закрытое тучами небо не пропускало на скудно освещенные улицы лунный свет. Шуршащие кроны деревьев в безлюдных тесных дворах рисовали зловещие тени на стенах домов и зашторенных окнах.

– Только бы никого не встретить, – озираясь по сторонам, думал человек, – здесь опасный район, полно хулиганов и гопников.

Человек остановился на углу в нерешительности. Яркий освещенный проспект, с миганием светофоров и полупустыми автобусами, манил своей доступностью. Но напрямик, через старые кварталы, гораздо быстрее. Кварталы деревянных двухэтажных домов начала прошлого века и пятиэтажных хрущевок выделялись на фоне ярко освещенных новостроек темным пятном безысходности. Но этой дорогой можно быстрее покинуть эти опасные улицы. Человек свернул в темноту.

...

Ежеминутно тревожно оглядываясь, задыхаясь, человек бежал по безлюдным тротуарам. Завернув в очередной переулочек, он резко остановился. Прямо перед ним, в круге желтого света замызанной лампочки, сидели на корточках трое. Спортивные костюмы, драные кроссовки. Они передавали друг другу грязный окурок. Один из них вертел в руках ножик-бабочку. Человек попятился назад, но тяжелая рука опустилась ему на плечо.

– Найдется закурить, папаша? – сзади неслышно подошли двое таких же «спортсменов». Человек отпрянул к стене и прижался к ней всем телом.

– Я не курю, – обреченно ответил человек. Все пятеро окружили его плотным кольцом.

– Ну, тогда денег давай, на сигареты, – нагло ухмыляясь, сказал один.

– Берите, это все, что есть, – человек протянул тощий кошелек.

– Всего две сотни? – покрутил купюры, тот, что с ножичком, – а если мы поищем? Как же ты ходишь здесь без денег? Слышал – это опасный район? Он приставил раскрытый ножик к горлу человека и выдохнул в лицо перегаром.

– У меня, правда, ничего нет, пожалуйста, отпустите, мне надо срочно домой, это очень важно, поймите, умоляю вас, – человек отчаянно пытался убедить хулиганов.

– Ну, вот мы и посмотрим, что у тебя есть в карманах, а может и внутри, – нагло ответил хулиган и слегка пошевелил ножиком. Капелька крови выползла на лезвие.

Подул легкий ветерок. Саван туч начал лениво сползать с бледного черепа луны. Полная луна, проснувшись, безучастно глядела на пятерых хулиганов в переулочке и прижатого к стене человека.

Неожиданно глаза человека, освещенные луной, начали меняться, приобретая хищный блеск. Плечи раздвинулись вширь, разрывая пиджак и рубашку, из раскрывшейся челюсти полезли острые клыки. Пальцы рук удлинились острыми, криво загнутыми когтями. По переулочку пронесся жуткий звериный рык.

...

Пожилой человек почти бежал по парку прочь от квартала пятиэтажек. Разорванная, испачканная чем-то красная рубашка. Измазанный рот.

– Знал же, что там могут встретиться люди. Не хотел никого встретить, а поперся, старый дурень, – раздосадовано думал он, – надо было обойти.

Очень опасный для людей район.

Мост

– Побежали, сфотографируешь меня у моста, – девушка потянула за руку молодого человека к парапету, – смотри, как тут красиво!

Замечательные августовские деньки стояли над северной столицей. С неба лились заботливые золотые лучи солнца. Теплый ветерок с Невы ласково гладил лицо добрыми шелковыми перчатками свежести. Пахло нагретым асфальтом и рекой. Город был полон озабоченных программой отдыха туристов и беззаботных студентов, которым уже через пару дней снова придется вернуться в пыльные унылые аудитории своих университетов.

– Ты знаешь, что у этого моста водятся призраки, – изобразив серьезное лицо, проговорил молодой человек.

– Не верю я ни в каких призраков, – легко ответила девушка.

– Я страшный и жуткий призрак этого моста, – замогильным голосом забубнил молодой человек, подняв руки вверх наподобие зомби из американских фильмов, – я ловлю и целую красивых девчонок, – молодой человек обхватил девушку за плечи и поцеловал.

Девушка притворно взвизгнула и ответила поцелуем.

– Надо придумать какую-нибудь лазерную пушку и уничтожить всех этих жутких и злых призраков, что бы они не пугали людей, – весело заявила девушка.

– А, может, они не злые, а несчастные, – неожиданно к молодым людям повернулся пожилой человек, до того стоящий у парапета с газетой в руках, – может, они не хотят быть призраками.

В этот теплый день, старик был одет в черное расстегнутое пальто, открывающее жилет и белую рубашку с галстуком-бабочкой. Грива седых волос красиво оттеняла загорелое лицо. Взгляд умных, насмешливых глаз излучал доброжелательность и неподдельный интерес. Старик был похож на какого-то банкира на пенсии. Только без карманных часов на цепочке.

– Ведь эти призраки когда-то были людьми, – продолжил старик, – они жили, радовались, как и вы наслаждались молодостью и солнцем. Просто стечение обстоятельств сделало их такими. Вот, к примеру, тут, под мостом при его строительстве оборвалась со страховки каменная глыба и убила пятерых рабочих. Их не похоронили и продолжили строительство. А вот там, чуть дальше, бросилась с горя в воду молодая девушка, которую оставил ее возлюбленный. А вот тут, на этом месте, где мы стоим, дочь назначила встречу своему отцу, – богатому промышленнику, вонзила ему в спину кинжал, а тело бросила под мост.

– Прямо жуть какая-то, – проворила, притихнув, девушка.

– Нет, – старик улыбнулся, – просто тем людям не повезло. Но, что было, то прошло. Вот только кости их до сих пор лежат где-то там, в воде, неуспокоенные. Поэтому призраки и выходят к людям просить о милости. Только вот кто ж займется поисками этих костей, – старик грустно вздохнул, – и их захоронением, сейчас больше все думают о себе, память и забота о других людях для них не важна.

– Мы еще хотели мороженное поесть, – взяв девушку за руку, напомнил молодой человек.

– Ой, и правда, – девушка улыбнулась старику, – мы пойдем. Вы очень интересно нам все рассказали, и много знаете. Надо Вам сесть и написать рассказ или статью об этих призраках.

...

Молодые люди, держась за руки, упоенные своей любовью, пошли вдоль реки по набережной. Старик с удовольствием прислушался к цоканью каблучков по каменным плитам и присел на скамейку, под развесистой старой липой, вдохнул напоенный ароматами города теплый воздух.

– Это ж надо такое придумать, – рассказ о призраках написать, – улыбнулся в седые усы старик, – а барышня-то умна, да собой недурна, – мечтательно подумал он о чем-то своем.

Старик достал из кармашка жилета часы на цепочке, щелкнул крышкой и огорченно убрал их обратно. Украдкой оглянулся по сторонам, убедившись, что никто за ним не наблюдает. И быстро растаял в воздухе.

Перевозчик

Перевозчик был одет в черный похоронный костюм. Ослепительно белый воротничок и манжеты сорочки оттеняли смуглую кожу. Почти лысый, лицом напоминает какого-то актера. Черные лаковые туфли. Белые носки. Он был весь такой положительный, педантичный и компетентный. Перевозчик сидел на странном стуле, напоминающем больше трон, но о вкусах не спорят. Наушники, планшет. Казалось, он не замечал Алены.

– Ну, блин, прямо люди в черном или перевозчик 2, – подумала Алена, но вслух эту мысль предусмотрительно озвучивать не стала. Вдруг обидится.

– Здравствуйте, – робко произнесла Алена, – меня зовут...

– Стоп! – резко прервал Алену Перевозчик, – правило первое – никаких имен. Правило второе – никогда не менять условия сделки. Поэтому хорошо подумайте о своем желании. И еще – мне приятно приветствовать Вас.

Перевозчик выглядел олицетворением вежливости, строгости и надежности одновременно, под стильным пиджаком бугрились нешуточные мышцы.

– Конечно, – немного разволновалась, Алена. Она все-таки впервые обращалась за такими услугами.

– Есть еще правила, – обдумайте их, прежде чем предлагать мне плату, продолжил Перевозчик – я никогда не открываю посылку и никогда не даю обещаний, которых не смог бы выполнить. Если Вы едете со мной, Вы должны уважать мое транспортное средство, пристегивать ремни безопасности. Плата, естественно, вперед.

– Знаете, я представляла Вас иначе, – нерешительно сказала Алена, – борода, рваная одежда, мутный страдающий взгляд...

– Видимо часто ездили на такси в Турции? – ухмыльнулся Перевозчик, – итак, Вы хотите, что бы я доставил Вас в целости и сохранности из пункта А в пункт Б? И помните – пункт Б Вы не узнаете, пока не внесете плату.

– Да. А разве бывают те, кто отказывается?

– Да сколько угодно. Боятся или денег нет. Вон они, – показал Перевозчик на ближайший луг.

– О поле, поле. Кто тебя усеял мертвыми костями? – стукнулась в голову известная фраза. Черт бы побрал это образование. Озвучивать вслух свою мысль Алена опять же не стала.

– Вы приготовили плату?

– Карту Мир принимаете? – с надеждой торговца спросила Алена.

Перевозчик промолчал и выразительно посмотрел на ближайший луг.

– Поняла, – ответил Алена, – и достала старинную золотую монету, стоившую ей целое состояние.

– Пожалуйста, проходите, – радушно произнес Перевозчик, пропуская Алену вперед, – устраивайтесь поудобнее на сидении и, пожалуйста, пристегнитесь – путь будет небезопасным.

– Хорошая тачка, – сказала Алена, вспомнив, что есть правило хвалить транспортное средство.

– Угу, – ответил Перевозчик, – я использую все только самого высшего качества. Но кондиционера нет, простите. Будем дышать свежим воздухом. Какую музыку предпочитаете?

– На Ваш выбор, – немного освоилась в роли пассажира Алена.

Перевозчик покрутил настройки, и из динамиков полилось известное и почти забытое, – «...надежду дарит на заре паромщик людям. То берег левый нужен им, то берег правый...»

– Помните, возврата уже не будет. Ну, с Богом! – сказал Харон, взял в руки весло и оттолкнул лодку от берега.

– К Черту! – либо ответил он сам себе, либо задал маршрут автонавигатору.

Русь богатырская

Экспонат

– Мальчик, музей закрывается, – немолодая женщина тронула Ванюшку за плечо, – ты молодец, что так интересуешься историей древней Руси, весь день тут простоял.

За стеклом, подсвеченный синими светодиодными лентами, лежал меч. Его меч.

...

Синее высокое небо перевернулось белыми воздушными облаками и ярким солнышком. Запах бабьего лета, травы и пушистых Марьюшкиных волос. И ее синие глаза. Близко-близко.

– Я люблю тебя, Иванушка, – венок из цветов перекочевал на Ванюшкину голову.

– И я тебя, Марьюшка, твои ясные синие глаза – как васильки в поле – Иван приподнялся на локте и склонился над любимой, – вот свадьбу справим, будем жить-поживать. Глянь, какое я колечко тебе принес. Пусть оно простое, серебряное, но руна любви на нем вырезана. Моей любви к тебе.

– А отец то твой согласится снохе не княжьего роду? – девушка с восторгом разглядывала новое колечко на пальце.

– Да отец рад только будет, глянулась ты ему – Иван поднял голову над травой повыше и прислушался. Прямо через поле, напрямки, к ним скакал княжий дружинник. Яркое солнце бросало окрест блики от боевой кольчуги и шелома.

...

– Царь безбожный, Батый, на нас идет, седмица – две осталось – повернулся князь рязанский Юрий Ингваревич к воеводам да боярам, – думайте, что делать будем.

– Стены крепкие, – встал воевода Никифор Федорович, раздвинув широкими плечами сидевших рядом бояр, – да людей маловато. Соглядатаи насчитали тьму тем (сто тысяч древнерусск. Прим. автора) воинов у Батыя, а может и поболее. На конницу сына твоего, Ивана, прошу. Сам на стены стану. И за помощью во Владимир верхового слать надо.

– Выкуп ему надо приготовить, соболей да серебра, он и пройдет мимо, дальше, к другим городам, не тронет Рязань то. А увидит, что воевать хотим – город спалит весь, – загомонили бояре да купцы.

...

Хостоврул, шурин царя Батыя, его доверенное лицо и посланец к Рязанскому князю, сидел в княжьей горнице, развалившись в кресле.

– Видел, князь, сколько у Великого хана Батыя доблестных воинов? Хочешь жить и город свой мало-мало беречь? Батый царем своим назовешь, и дань каждый год платить станешь. Сейчас отдашь все зерно, что у тебя есть. Коняшка кушать хочет. Еще серебра отдашь десятину твоих запасов. А еще, – Хостоврул гаденько ухмыльнулся, – невесту своего сына отдашь, – она красивая, будет ублажать Батыя холодными вечерами в юрте.

Иван в бешеной ненависти, попытался выхватить меч.

– Цыц, мальчишка, – прикрикнул князь на сына, – все сделаем, Хостоврул, не беспокойся. Завтра утром все соберем и в ваш лагерь доставим.

– А девицу прямо сейчас заберу, – причмокнул губами посланец.

– Все завтра, – решительно отрезал князь, – кто ж частями выкуп дает. Воевода! Проводи до ворот дорогого гостя, да гляди, что б со всем почтением. А вы – повернулся князь к купцам, – что расселись? Марш серебро собирать.

– Зови Марью, Иван, – сурово глянул Юрий Ингваревич на сына, убедившись, что все покинули горницу, – да поживее.

Темнота стучала в окна терема ранним снегом. Хмурый колючий ветер гнал по замерзшим полям мелкую поземку, наметая в оврагах да лесах сугробы, будто одевая беззащитную землю русскую в ледяной похоронный саван.

– Не позволю басурману измываться над чистотой и невинностью русской, – князь положил ладони на головы Ивана да Марьи, – благословляю вас, дети, на жизнь долгую, счастливую. Живите в ладу, да согласии. Глядишь, и внуков скоро увижу. А нонче, бери, Иван, скакуна лучшего, Марьюшку свою, да скачите во Владимир. Князю Владимирскому в ноги упади, да подмогу на Батыя проси.

...

Темнота разрывалась на части пронзительными языками метели. За спиной затих ночной лагерь. В теплых юртах спали воины Великого Хана. Джанибек поежился и оттер с лица снег. Ему нельзя спать. Надо смотреть на этот деревянный, без огоньков, засыпаемый снегом город, наблюдать. Глаза слипаются. Что это? Конь с двумя седоками мелькнул от городской стены? Надо срочно бежать к Хостоврулу.

Десять всадников с гиканьем и факелами в руках вырвались из лагеря Батыя. меховые шапки с лисьими хвостами. Низенькие и выносливые монгольские лошадки понесли седоков по темному заснеженному полю. Началась ночная охота.

...

– Ванечка, заметили нас, гонятся, – прошептала Марья, со страхом оборачиваясь на пляшущие позади огни факелов.

– Не уйти нам по дороге, настигнут, – досадливо ответил Иван, – наш Ветерок двойную ношу несет, а у них кони выносливые, крепкие. В лес свернем, глядишь – и затеряемся.

...

Прыжок Ветерка через сугроб, удар и седоки покатались в глубоком снегу. Незамеченная под снегом лесина, переломала передние ноги верному коню.

– Прости, Ветерок, бежать мы должны, – Иван, прощаясь, положил ладонь на теплую морду, которую уже засыпал густой снег – бежим Марья, к реке.

Из большого печального глаза верного коня скатилась крупная слеза. Вдали у опушки послышался радостный визг и гиканье – погоня нашла следы беглецов.

...

Река Воронеж медленно несла свои тягучие, застывающие, черные воды. Ущербный месяц, издеваясь, серебрил одетые ледяным снегом берега и все окрест мертвенным светом.

– Я знаю это место, – хрипло прошептал Иван, – тут где-то есть лодка.

В это миг на берег невдалеке вырвался всадник и радостно закричал, увидев беглецов.

...

Влюбленные стояли, обнявшись, по пояс в ледяной воде на отмели, в пятидесяти локтях от берега. Холодные волны тягуче накатывали на упрямецев. На непокрытых волосах замерзали сосульки. Жестокая ледяная корка превращала лица в блестящую маску.

– Не надо бояться, хан добрый, много-много детишек ему нарожаешь, в тепле жить станешь и сытости, – Хостоврул, стоя в лодке, спускаемой к отмели на волосяных арканах, ласково улыбался, – а ты, княжий сын, тоже жить будешь, воином доблестным во славу хана станешь. Вот заберу вас в лодку и все закончится.

...

– Я не знаю, Марьюшка, есть ли там жизнь после смерти, но, если есть, я тебя всегда буду искать. Года. Века. И найду тебя, любимая.

– Я всегда тебя буду ждать, Ванечка, – Марья прижалась крепче, – сокол мой ясный, любимый мой. Всегда.

Река со вздохом приняла влюбленных и сразу потянула в глубокую темную бездну. Холодный кипяток ворвался, разрывая на сотни льдинок легкие. Где-то вверху, на поверхности воды, ущербный месяц смеялся серебром на ледяной ряби воды.

...

– Ты можешь приходить сюда, когда захочешь, я директор и скажу, что бы тебя пускали бесплатно, – немолодая женщина вела Ивана к выходу, попутно выключая свет в огромных музейных залах, – вам, наверное, в школе домашнее задание задали по истории?

– Кому, нам? – Иван вернулся из своих видений в реальность.

– А тут девочка приходила, как и ты, тоже весь день перед витриной с кольцами и другими украшениями простояла.

– Где? Какая девочка? – резко остановился Иван с яростной надеждой.

– Да ушла она уже, – ласково ответила директор музея, – голубоглазая такая.

Мертвый сезон

– Почему ты не сдох? Почему ты здесь, а ее нет? – Великий хан Батый с размаху ударил плетью по спине припавшего к его ногам юртки (высокопоставленный командир в монгольской армии прим. автора), – я не погляжу, что ты важный нойон (князь, монгольск. Прим. автора) и мой тесть, – отрежу твою голову и швырну голодным псам.

– Они бросились в воду, сынок княжий, да девка его, Марья, и сразу ушли на глубину, под лед, мой хан, – Хостоврул поднял на Батыя умоляющее разбитое плетью лицо.

– Ты должен был прыгать за ней в реку и притащить ее мне, даже мертвой. И этого княжеского сынка тоже. И все бы увидели, как наказывает Великий хан, даже мертвых. А теперь любой будет думать, что сможет не выполнить желание хана и освободиться через смерть. Я мог бы взять дань с рязанского князя втрое, против назначенной, за одну мертвую девку, и завтра пойти дальше. А теперь мне нужно будет брать осадой этот город, что бы не потерять лицо, – Батый в злобе с размаху ударил по доске чатуранга, стоявшей на небольшом столике (старинные индийские шахматы, играли четыре игрока прим. автора) и фигуры посыпались на пол юрты, – и время уйдет. Наступит мертвый сезон.

Хан наклонился, схватил Хостоврула за горло и вгляделся в его глаза.

– Не дрожи, не убью пока – оскалился Батый, видя страх подчиненного, – сделаем так...

...

Ночной октябрьский заморозок и метель к утру утихли. Накрыв ледяной коркой поля и тропинки, мокрый снег ухватил пронзительный ночной ветер за горло своими влажными руками, медленно задушил и сдался сам, уступив место липкому холодному дождю. За окном поднимался хмурый белесый рассвет. В нетопленной горнице терема было тускло и серо.

– Скажешь, сбежала Марья, не углядели, – князь Рязанский Юрий Ингваревич, повернул усталое лицо от окна к воеводе.

Воевода Никифор Федорович, огладил бороду и понимающе кивнул.

– А ты, Ерофей, – князь повернулся к купцу, – пообещаешь за то, еще собрать серебра и привезти хану, – задача наша, други, – задержать как можно дольше Батыя у наших ворот. Идет мертвый сезон.

– А погода-то тут при чем? – расширил глаза купец.

– Вот ты, вроде, знатный торговец, Ерошка, умный должен быть, – а замысла военного не понимаешь. Видал войско Батыя? Обоз с продовольствием, добыча награбленная, юрты, бабы. Без всего этого войско не может воевать. Так – конная вылазка на один день, разве что. Летом на телегах все можно перевозить, али на ладьях. Зимой – на санях. А нонче – октябрь, – грязь да распутица наступает. В народе сезон этот мертвым зовут. Никуда обоз не сдвинешь. Еще пару дней – и застрянет Батый перед Рязанью на месяц. А там, глядишь, и новгородцы поспеют. Сына я, Ивана Юрьевича, за подмогой послал.

– А как не дойдет? – закудаhtал купец.

– Дойдет. Лучшего жеребца ему дал. Невестушка его, Марья, тож с ним. Дойдет. Непременно дойдет.

...

– Эй, князь, – Хостоврул, подбоченясь, сидел на лошади перед закрытыми воротами города.

– Где мои люди? – князь выглянул со стены.

– А погостят еще, понравилось им, – крикнул посланец Батыя, прикрывая оторочкой мехового малахая (меховая шапка с лисьим хвостом прим. автора) свежие шрамы на лице, – Великий хан добрый, прощает тебе Марью. Привезешь все свое серебро из казны. Дашь дружину свою в войско хану, да баб пять десятков, для работ кухонных. Тогда и людей своих

обратно получишь, и город твой нетронутым останется. Мало-мало думай. Завтра в полдень за данью приду. Готовь все.

...

– Други мои, люд честной, – князь оглядел народ, собравшийся на вече на большой площади перед теремом, – беда пришла великая. Царь безбожный, Батый, пришел Русь-матушку воевать. Сами видали – стал войском перед городом нашим родным. Что бы город не рушить – дружину нашу требует, да баб ему в полон. Но вечер, послал я сына своего к князю Новгородскому, за помощью. Задержать можем супостата перед воротами городскими, а там, глядишь, и богатыри новгородские подспеют. Всем миром и одолеем басурмана. Что делать? Город сдавать али ворога воевать? Совета прошу. Решайте.

Над площадью повисла тягостная тишина. Было слышно карканье ворон у скотного двора. С серого низкого неба лил, не переставая, мерзкий морозящий дождь.

– А что думать то, – вышел вперед Никола-кузнец, – не бывает тому, что б дружина русская, да за басурманов билась, а бабы наши ворога обхаживали да обихаживали. Свободной Русь всегда была, свободной и будет. За то живота своего не пожалеем. С тобой рядом на стену станем, княже.

...

Ерошка-купец в ужасе забился в уголок юрты. Выпученными глазами глядел он на то, что осталось от воеводы.

– Ай, я много-много плохой, – обхватил свою голову руками Хостоврул, – ой, горе мне. Умер воевода княжеский, и дня под пытками не протянул. Ай, Великий хан меня наказывать будет. Ай, ай, что мне делать?

Хостоврул схватил ослабевшего купца за грудки.

– Тебе не подарю легкую смерть, вот, сколько пальцев на руке – столько дней тебя буду резать. Мясо твое кусочками отрезать стану, да тебя же им и буду кормить. Кожу твою полосами спущу – вишь, как на воеводе?

– Не убивай, – купец бросился лобызать грязные сапоги Хостоврула, – я все серебро соберу, князя дружину дать уговорю и завтра все привезу.

– Нет Ерошка, – Хостоврул за бороду притянул к своему лицу купца, утра Великий хан ждать не станет, ты скажешь, где ход твой тайный в город, через который ты товары своиносишь. И обещаю, останешься жить.

...

Связанный Ерофей, купец рязанский, лежал на земляном полу юрты. Он слышал, как за войлочным пологом тихонько двигаются сотни ног и легонько позвякивает оружие. Тишина прерывалась лишь треском огня в очаге, да вроде какие-то дальние крики звучали сквозь тревожный сон.

...

Удар сапога под ребра вернул Ерофея в явь. Чьи то сильные руки сорвали рубаху и потащили к огню. Хостоврул достал из огня что-то раскалено-красное, и жуткая боль обожгла обнаженную спину купца.

– Можешь идти, – Хостоврул бросил тамгу обратно в огонь (тамга – родовой знак, тотем, он же использовался как тавро для клеймения скота прим. автора), – Великий хан выполнил свое обещание и дарит тебе жизнь. Ты, Ерошка, теперь собственность хана, покажешь тамгу – никто имуществу хана не посмеет вреда причинить.

...

Ерошка шел от собирающегося в поход лагеря Батыя, к открытым воротам города.

– Ирод окаянный, – бросила ему вслед старушка-полонянка, что стоя на коленях у крайней юрты, чистила большой казан. (По библейскому сказу Каин предал и убил своего брата – Авеля. На Руси – окаянный – человек, ставший как Каин, – предатель и убийца. Прим. автора).

...

В городе стояла угрюмая тишина. Все жители ждали Ерошку. Они смотрели на него пустыми глазами и молчали. Они лежали там, где их застала смерть. Кто с мечом, кто с топором, кто с младенцем на руках. С неба сыпал мокрый, вязкий снег, укрывая все белым мокрым покрывалом. Падал и не таял на лицах.

Мертвый сезон.

Чудь

– Ведьму эту следует незамедлительно изничтожить, – князь уверенно оперся рукой на резную спинку кресла, – и не перечь, я князю Псковскому обещание дал!

– Так ведь женился я ж токмо, княже, не след супружницу молодую в одиночестве оставлять, – Василий, вящий гридь (главный княжеский телохранитель старорусск.), ловец нечисти, неуклюже попытался отговориться от княжеского наказа, – сколь по болотам то бегал, аки выжлец (ищейка старорусск.), а сколь еще побегаю для тебя, княже, да для Руси пользы. Дозволь остаться, а по весне, значит, и поеду, изведу ведьму оную.

...

Выехал Василий поутру, солнышко еще не встало. Путь далеко лежал – в чудскую деревушку Важгорт. Там ведьма объявилась, по словам князя, житья никому не дает. Василий с малолетства нечисть чуют научился. Про то, как ту науку получил, даже вспоминать не хочется, тьфу. Но нечисть любую крепко чуют привык. А потому князь часто посылает разыскать нечистого, али люди, когда попросят от напасти какой избавить. Как отказать?

...

– Нету ведьм у нас, извели давно, Яг Морту отдали, – Антип, староста Важгорта, хитроватый мужичек лет под сорок, изобразил удивление, – ты, богатырь, поспи, передохни, баньку вот тебе сладим, угостим, чем сможем, да в обратный путь наладим.

– Спасибо тебе на добром слове, староста, да токмо я вранье-то твое за версту чую, – Василий ухватил Антипа за бороду, – а рука, вишь крепкая, меч, сам видел – острый. Рассказывай все, а я уж сам судить буду.

– Не убивай его, – баба Антипова, бросилась на помощь мужу, – дурак он, не знает доверять кому можно, кому нельзя, все расскажем.

...

– В старые времена, – начал Антип, – лютовал в краях наших разбойник, али колдун, не разберешь. Яг Морт, лесной человек, значит. Ростом с добрую сосну. По голосу, да виду – зверь дикий. Глаза сверкают, черная бородища. Ночью нападал на деревни. Скот уведет, жен да детей украдет, любого встречного убьет. И силой колдовской обладал. И в воде не тонул и в огне не горел. И не было предела его могуществу. Потому и царствовал он безраздельно в лесах этих. А как нам без леса? И зверь там и рыба и ягоды-грибы. Сперва, люди задобрить его хотели. Колдуний ловили и в жены ему приводили. Жены этого Яга – бабы Яга, так и оставались в заповедном лесу. Но ничто его не улаждало. Тогда собрались мужики всем миром, нашли нору – пещеру его, да забили татя, как в старину слонов мохнатых забивали. Жили тут такие. В пещере той и богатства краденные, и косточки жен да детей нашенских. Голову Яг Морту отрубили, а над пещерой курган, значит, насыпали. Вот с тех пор мирно у нас, да спокойно

Антип, не привыкший долго разговаривать, аж пот со лба утер.

– Про Яга того сказ знатный, да вот про ведьму ты не рассказал, – Василий подался вперед, – меня т на мякине не проведешь.

– Есть у нас ведьма, не стану врать, за лесом заповедным живет, – сдался Антип, – да токмо полезная она, хорошая, жить нам помогает леченьем да советом, негоже зла ей чинить.

– Сам решу, поехали, – Василий встал с лавки.

...

– Зачем этот лес вкругаля объезжать? Напрямки давай, – Василий понукнул свою кобылку.

– В лес этот предки нам заповедали ходить. Дремучий он. Зло там дремлет. Не дай Боже разбудить. Деревья гнутые стоят, весь день там быть не можно – не выйдешь, Богу душу отдашь.

...

Василий ехал впереди по еле заметной стежке. Сзади боязливо двигался Антип. Лес и впрямь был странный. Нечисти Василий не чуял, может потому как день да солнышко, да что-то не так было с лесом этим. Больной он был какой-то. Кривые крученые стволы, голые сучья. Мох кусками. Ветер возьми, да и пронесись неожиданно. Будто из-под земли болезнь перла, а лес задышался в мученьях страшных. Голова начала кружиться.

Внезапно краем глаза Василий уловил легкое движение сверху. Мгновение – и он спрыгнул с лошади, подняв меч в боевом замахе.

– Баба Яга это, – голос Антипа звучал успокоительно.

На дереве, высоко в кронах, колыбалась привязанная ступа, сплетенная из прутьев. Из нее торчала обглоданная муравьями нога скелета.

– Мужики колдуний то в жены Ягу сюда приводили, – сказал Антип, – в ступе привяжут, в руки помело сунут, что б, значит, в доме Яг Морта прибиралась, да вздернут вместе со ступой повыше на дерево. Гляди, дескать, Яг – баба тебе новая. А лес уже сам их к себе прибирал. Нам тож не медля выходить надо, не пройдем мы через лес этот, сгинем.

...

К вечеру, по дороге вокруг леса, Василию с Антипом все же удалось добраться до избушки ведьмы. К избушке вела хорошо протоптанная тропинка. Солнце садилось за сосны, далекий вой волков, сопровождавший их всю дорогу умолк. Лошадей привязали у коновязи. Вошли в горницу.

– Ты что творишь, погань, – только успел Василий выхватить верный меч.

Средних лет женщина, видать, и есть та самая ведьма, малыша раздетого, на деревянной лопате в печь налаживала. А из печи жаром так и пыхает.

– Стой, окаянный, – молодая женщина в деревенском платье, вскочила с лавки и повисла на руке, – не мешай Анисье, ирод, зенки твои выцарапаю!

Ясно дело, с бабой злющей сладу не будет, отстал богатырь.

Ведьма осторожно усадила малыша в печь на подстилку из трав, чутка прикрыла заслонку и повернулась к Василию.

– Что, богатырь, – сказала она, вытерев пот со лба и уперев руки в бока, – волки сказывали, убивать меня наладился? Ааа сынок Агафьи, – ведьма проследила взгляд Василия, в ступоре смотревшего на закрытую заслонку печи, – так жив он, есть не стану, – и закатилась веселым, задорным смехом. – Застудился он, вот и прогреем его в печи, да с травами, завтра здоровее здорового будет. Али вы там у себя так богато живете, что детей не в печи моете, а в бане, как взрослых?

...

– Вот и помогаю людям, как могу и чем могу, – Анисья накрыла на стол снеди, да самовар поставила. Вылеченный малыш напился чаю с медом, да уснул на коленях матери. – Сила мне дана – тайны трав да растений знать. Волки да птицы мне новости шепчут.

– Почто ж князь говорил, что всех изводишь, – задумчиво проговорил Василий.

– Видать смысл был у князя твоего тайный, услать тебя подальше. Вижу в тебе силу могучую, не раз она службу добрую, Руси сослужит, да вот только все силы твои ты отчизне отдашь, а себя оборонить от горя силы то и не хватит.

– А вот и не всезнающая ты, – улыбнулся Василий, – дома жена меня ждет – пождет молодая.

Ведьма грустно опустила глаза.

Туфелька

– Князь, к тебе богатырь новгородский, Глеб Никитич, – тиун (слуга князя старорусск.) низко поклонился.

– Зови давай, заждался уж, – Князь Муромский, Юрий Ярославович, встал со скамьи и с удовольствием потянулся. Давненько он поджидал Глеба, дело срочное было.

– Князь Новгородский тебе поклон шлет, – богатырь протиснулся в широкую дверь.

Казалось, пол княжеской горницы гнется и скрипит под тяжелым шагом новгородского борца с нечистью. Одет Глеб был просто – белая рубаха – косоворотка, подпоясанная кушаком, синие штаны заправлены в сапожки сафьяновые. Вид как у увальня деревенского, а так и не скажешь, что на поле брани десяток басурман иноземных враз положить может.

– Василия отправил я в Чудь, с ведьмой разбираться, не скоро воротиться, – князь хитро подмигнул собеседнику.

– Вот это гоже, – расплылся в улыбке Глеб, – теперича мы с евоной молодой женой без помех-то плотно и потолкуем.

...

Василий, богатырь Муромский, борец с нечистью, придержал коня на взгорке. А и лепота вокруг. Солнце радостно лучится навстречу, зеленые луга сочные так и зовут вперед, к дому родному. Птички чирикают. Ветерок несет яблок спелых запах. Вона за пригорком и Муром уж показался, а там, глядишь, и до двора родного недалеко. А в избе то женушка милая ждет, чай пол подмела да щи наварила. Путь – дорога, считай сама под копыта коня то ложиться. Всадник какой-то по ней скачет навстречу. Всадник?

– Василий Ильич, – запыхавшись, уважительно склонился в седле посыльный – князь к себе немедля зовет, поспешать просит.

...

– Здоровья тебе, княже, прости что грязный да неумытый с дороги, сам поспешать велел, – Василий вошел в горницу, стряхивая пыль с кольчуги, – и тебе здоровья, Глеб Никитич, – завидел Василий богатыря, – никак без помощи муромской в землях новгородских не обойтись?

– Ну что ведьма – то чудская? – князь указал Василию на место за столом перед собой.

– Ведьма та травница. Людей лечит, да скотине помогает. А байки про страшных ведьм в ступах да с метлами в руках – то рассказы испугавшихся трусливых иноземных путешественников. Считай, напрасно съездил.

– Тут дело к тебе, – опустил глаза князь, – Глеба Никитича вот послушай.

– Дело зим десять тому было, – проговорил собравшись, наконец, Глеб, – жил в Венгерском королевстве сын графский Владислав. И не знали б о нем ничего, кабы не любовь великая. Влюбился он в девушку простую, Иванку. Любились они, радовались, да недолго. Родители другую невесту сыну нашли, кровей дворянских. Выгнал тогда Владислав свою любимую прямо в лес. Да на мороз. Да в ту же ночь и пожалел об этом. Болезнь страшная Владислава охватила. Стал он на людей бросаться, кусать их, да кровь их пить. Крови, значит, дворянской захотел – вот кровь то и получил.

– Так то ж заклинание кровавого поцелуя, – вступил Василий, – только убить бедолагу, да в гроб каменный замуровать, что б не встал, ежели конечно ведьму не поймать.

– Правда твоя, – подтвердил Глеб, – стали, значит, они Иванку ту ловить, да не поймали. Но так быстро девица убегала, что туфельку то свою и потеряла. А сам знаешь, что по туфельке той ее найти то и можно, как она не меняй лицо свое. Туфелька то святой водой омытая, только этой ведьме на ногу и налезет. Никому более. Стали искать везде в графстве, туфельку всем

девицам примеривали, да не поймали. Граф то суровый был. Сына в гроб каменный положил. Да замуровать в склепе велел, что б зараза наружу не вырвалась.

А пару годов спустя, в королевстве французском похожая история приключилась. Принц Филипп влюбился в простую девушку, что гусей пасла у стен дворца. Звали ее Жанной. Да не сложилась любовь. Мать Филиппа выгнала девушку из дворца, да с проклятьем страшным, дескать, язвами покройся, да подохни блудница. И в ту же ночь страшный мор начался. Черной смертью люди его назвали. Тысячами люди заживо гнили и умирали. Никто не знал, откуда напасть. Пока не приехал к Филиппу граф, что сына в склеп замуровал. Да туфельку ту принес. И началось по Европе всей – девиц хватили да туфельку им примеряли. Да туфелька то одна, а ловили много. Жгли на кострах несчастных на всякий случай. После поутихло вроде.

А тут, в прошлом годе, князь наш новгородский, девицу приветил. Любовь великая, только – Глеб серьезно поглядел на Василия, – никому, потому как князь то женатый. А княгиня то возьми да вызнай. Пошла, говорит, прочь со двора, корова шелудивая. И в ту же ночь весь скот струпьями да коростой пошел, да полег от болезни. Девуцу эту Иоанной звали.

– Иоанной звали, – задумчиво протянул Василий, – как женушку то мою, Иоаннушку. Князь с Глебом молча переглянулись.

– Так ты что же князь, хочешь сказать... – Василий сжал пудовые кулачищи и медленно встал из-за стола, – ну ежели...

Василий бросился из горницы прочь, вниз к коновязи. Глеб встал.

– Пойду я за ним, княже, как бы бед не натворил. Да. И ежели что – прикажи похоронить меня по – христиански. Но тризну по мне справь, как предки наши богатырей поминали.

...

Василий стоял у своего бывшего двора. Избу вмяло в землю и разломало так, как будто камень огненный на нее с неба сверзился. Раскиданные обгорелые бревна. Корка запекшейся в огне глины вместо прудика для гусей.

– Семерых покалечила, да троих порешила, пока я голову ей не снес, – подошел сзади Глеб, – туфелька та, за которой я съездил, прямо впору ей пришлась. Как надели туфельку то, так и схватило ее к земле, как колоду, не опускает. А ты почуять ее не мог, так как любовь твоя настоящая была. Она под твоей любовью, как под щитом надежным укрывалась, борцам с нечистью невидимая.

– Так. Значит, это ты, Иоаннушку мою... – повернулся к Глебу Василий.

– Я. Вот мой меч. Хочешь – голову мою сруби. Обороняться не стану.

Даже соловьи в тот миг замолкли. Да тучи солнышко золотое прикрыли.

– Покажи, где схоронил, – глухо проговорил Василий.

...

На взгорке, у реки, был насыпан холмик свежей земли, из которого на вершок торчал кол осиновый.

– Сам знаешь, нельзя на земле освященной, – словно извиняясь, произнес Глеб.

Василий повернулся к богатырю.

– Ты правильно все сделал. Богатство наше – сила богатырская. А дело наше – Руси служить, да от нечисти оборонять. Да только не могу я боле быть с тобой в дружках. Уходи. И князю скажи, пусть богатыря себе нового на службу ищет.

...

Огромная луна роняла капельки слез на серебристую гладь реки. Запах ели смешивался с запахом воды. В ночной тиши шуршание листвы нарушалось лишь всхлипом проснувшейся птицы. Под березкой у свежего могильного холмика беззвучно плакал богатырь.

Любовь зла. Даже когда настоящая.

Ругодив

– А ну ка, Василий Ильич, подсоби, – Ставр Никитич, богатырь смоленский, мерно коло-тил в ворота замка здоровенной булавой, как крестьянским цепом при молотье зерна.

– Дык для того то и пробивался к тебе, – Василий, богатырь Муромский, достал боевой топор.

Спины и головы богатырей от льющейся сверху смолы и падающих камней прикрывали щитами пятеро дружинников князя новгородского.

Под веселым перестуком булавы и топора окованные железом ворота начали щепиться и разламываться.

...

Старинный замок Ругодив (старорусское название Нарвы, прим. автора), был уже дав-ненько отнят у эстов датским королем Эриком и отдан за долги германцам. Так нет бы, чтоб, как и положено добрым соседям, приехать на ярмарку, свои товары привезти, себя показать, барон германский отсиживался за стенами замка.

В начале зимы, как встал лед на реке, нанял этот крыс рыцарей немецких, да и пошел на земли русские с грабежами. Рыцари те лютовали особо. Мужиков безоружных рубили, да калечили. Баб, что сбежать не успели, порочили. Барон скотину увел, да припасы зимние все вывез. Да снова, значит, шасть – и за стены замка. Сидит упырем, радуется. На зерне да на капусте отнятой, надулся, как хомяк.

Прознал про то князь новгородский, Александр Ярославич, собрал дружину, богатырей позвал новгородских, суздальских, смоленских да Муромских и пошел барона того воевать. Не стал исподтишка ночью нападать, как немцы подлые. Честно предупредил – иду мол, на вы, – как князь русский Святослав чести учил.

...

Ворота начали поддаваться. Скользнувшая в пролом стрела задела щеку, да раззадорила только.

– Ну ка, навались, – подпер качающиеся ворота Василий.

Дружинники и богатыри дружно навалились на ворота и огромная деревянная коробка, окованная железными полосами, рухнула, подняв облако пыли.

– Стой Василий, не ходи, – придержал за плечо богатыря Ставр, – не время ишшо.

– Как не время, проломили ж ворота? – Василий с удивлением увидел, что и дружинники не спешат бежать в пролом.

– Потому как барон хитрый, аки змеюка, – Ставр размял плечи и спиной прислонился к каменной кладке, – там, за воротами у него двор, голый да камнем мощеный, да со всех сторон стенами высокими огороженный. А на стенах то лучники. Вроде мешка каменного. Войди и враз в спину стрелу засадят. Да только на ту хитрую змеюку у нас свой ястреб имеется. Пока мы тут шумели с тобой, да лучников к себе собирали, князь то с лестницами стены перемахнул. Вона слышь, внутри они ужо.

Шум боя переместился внутрь замка. Ворота на той стороне каменного мешка открыли изнутри княжеские дружинники.

– Все, пора и нам, – Ставр поудобней перехватил булаву, тут потайной ход имеется, что в хранилища ведет. Туда нам пробиваться велено.

Навстречу богатырям вышли четверо рыцарей. В железо одетые, на головах шлемы с забралами, морду песью напоминающие. Ну, чисто псы злые железные. Ставр вышел на них первый. Окованная железом булава приняла удар рыцарского меча, не поцарапалась. Василий недаром бою с нечистой ученый, прыгнул вперед, кувырком под ноги крайнему рыцарю и уда-ром снизу вверх раскроил незащищенный пах.

Снова кувырок вбок, пропустил мимо себя падающее тело и ударом топора разрубил, как полено, ногу ближнего рыцаря. Третий рыцарь уже занес меч над головой для удара. Подставить успелось топор на вытянутых руках вверх. Мощный удар двуручным мечом разрубил топорщице, ошеломил, скользнув по островерхому шлему, и ушел уже слабый в кожаный наплечник. Сквозь замутившееся сознание Василий увидел повторный замах меча.

...

– Чай не спать тута собрались, – Ставр шутливо подал руку и помог подняться. Рыцарь с двуручным мечом лежал на земле лицом вниз. Песий шлем был сзади вмят в голову мощным ударом булавы, как старый походный котелок.

...

– Только не убивай, не убивай, – барон на коленях отползал от князя, – возьми все золото, возьми жену да дочерей в рабыни, не убивай только.

Трясущаяся губа, слезы и сопли из жирного носа вызвали чувство брезгливости. Князь с дружинниками стоял в главной зале замка. Барон на коленях отползал к стене, покрытой ковром. В углу на коленях, опустив головы, стояли полтора десятка захваченных псов-рыцарей. В разбитые окна ветер заносил запах и веселый треск разгорающегося пожара.

– Да не ползи ты уж, – усмехнулся князь Александр Ярославич, – знаем, где сокровищница то твоя.

В этот момент дверь, скрытая под ковром на стене, растворилась и Ставр с Василием, да с дружинниками, вывели всю семью барона. Позади них мелькнули груды награбленного бароном золота.

– Не убивааай, все возьми, земли, золото, женщин – взвился вой под своды старинного замка.

– Зачем мне земли твои? На Руси и своих земель хватает. Еще тучнее и богаче. Зачем мне женщины твои, коли свои на Руси лучше. Богатырей рожают. Золото да припасы заберем, потому как не твои они, а русские. Крестьянам отдам, чтоб хозяйство, тобой порушенное возрождали.

Князь достал меч и ткнул в сторону псов-рыцарей.

– Этих вот насильников да убийц жалеть не стану. Повинны смерти! Но и убивать их честным оружием не хочу, оружие боевое марасть не буду – князь повернулся к своим дружинникам – вывезете этих псов на середку Гдовского (старорусское название Чудского прим. автора) озера, да утопите, как щенков. Без прощения и покаяния.

Князь под вопли уводимых псов-рыцарей подошел к барону. Тот, в собачьей позе, с ужасом в глазах смотрел с пола на князя.

– Запомни, немчик, русским не надо соседских богатств. Русь велика. И весь русский народ испокон веков живет справедливостью. Пока жива в сердце русича справедливость, сколько ты не нападай, да не терзай Русь, сколько не клевети – Русь встанет из пепла, из грязи. Очистится, как птица Феникс, и пойдет далее своим честным и прямым путем. И никто ничего с этим поделать не сможет. Никогда. Потому что мы и сам с этим ничего поделать не можем многие века. И не хотим.

Русалка

– Не ехал бы ты, богатырь, беспокойно больно на лугах, да полях, – седой старик обернулся на иконы и широко перекрестился, – русальная седмица наступает. В седмицу эту русалки из воды выходят, да любого мужчину, будь то старик али юнец безусый, в себя влюбляют. И в воду утаскивают. Так и губят. Никто устоять от чар этих не может.

– Слово я дал, – Василий, богатырь муромский опоясался мечом, – потому и идти должен. А тебя, старче, благодарю за доброту твою, прощай, коли что не так.

– Погоди, уж – старик потянулся за холщовым мешочком, – вот, полынь возьми, от русалок, говорят, защищает.

...

– Сказали мне, что тебе, князь, заступник в деле важном нужен, – Василий стоял в горнице служилого князя Андрея, осматриваясь по сторонам. (Служилыми князьями (вотчинниками или подручниками) на Руси называли князей, которые вынуждены были служить у более владетельных князей, что бы сохранить свои земли – вотчину. Прим. автора). В княжьей горнице творилось запустение. Пыль да паутина по углам, будто и не жилой терем, а лачуга заброшенная.

– Слыхивал и я о тебе, Василий Ильич, от князя Муромского, – князь Андрей, немолодой уже тучный мужчина тяжело поднялся из кресла навстречу богатырю, – говаривал он, что человек ты верный. Потому и помощи твоей прошу.

Князь Андрей подошел к окну, выглянул во двор и дрогнувшим голосом начал:

– Десять зим тому, овдовел я, жена моя простудилась, заболела, да ушла в мир иной. Только доченька моя, Аленушка, и осталась мне на радость да на старость. Да правду говорят, седина в бороду – бес в ребро. Встретил я женщину приезжую. Красотой нездешней, тонкими бровями, да волосами рыжими, грудью своей высокой покорила она меня враз. Травень (месяц, когда цветет трава – май, прим. автора) не успел минуть, как сыграли свадьбу. Все бы хорошо, да, видать Аленушка моя, стала мачехе поперек горла. А я, дурак старый, возьми, да и выгони дочку. Пропала с тех пор Аленушка. Да и радость вся с ней ушла.

Только чую я, недолго мне уже на земле этой хаживать. Жена всю дворню выгнала, все со свитками какими-то да свечьми в светелке запирается. Все мечтает, как хозяйством после смерти моей распорядится. Ни наследника, ни памяти доброй по себе не оставил. Разыщи, Василий Ильич, Аленушку, очень тебя прошу. Говаривают люди, что у озера лесного ее видели. Ночью. Ничего не пожалею в благодарность.

...

На темный лес спускался влажный вечер. Что-то шуршало и потрескивало в придорожных кустах. От лесного озера пополз ключьями густой зябкий туман. Луна, выглянув из-за облаков, засеребрила и зарябила стоячую, как зеркало, воду. Справа от тропинки послышался легкий вздох. Василий резко обернулся.

На берегу, опустив босые ступни в воду, сидела девушка. Бледная и грустная. В длинной белой рубахе.

– Не меня ли ищешь, богатырь, – томным грудным голосом спросила она, бросив взгляд, полный обещаний.

– А может нас? – послышались сзади задорные голоса. На тропинке, по которой только что проехал Василий, прислонившись к березке, стояли две смазливых девушки. Красные юбки, пшеничные косы. Сестренки загадочно улыбаясь, шагнули вперед и взяли коня под уздцы. Конь послушно потянулся за предложенной горбушкой.

– Нет, девоньки, не сердчайте, простите за беспокойство, Аленушку мне сыскать надобно, – Василий пытался говорить дружески, да ласково.

Вмиг все кругом изменилось. На луну напозли черные тучи, засвистел злой ветер, деревья зашуршали и застучали сухими ветками. Пошел ливень. Ударил молния и в ее свете Василий увидел вокруг себя десятки призрачных силуэтов.

– Слез с коня, князь, побеседуем, – раздался жесткий голос и несколько влажных сильных рук резко стащили Василия с лошади, бросив на прибрежный мох. Над ним склонилось бледное безглазое лицо, и закапала тухлая вода – пришел твой час, ответ держать будешь за поступки твои непотребные.

Влажные мягкие руки на горле вдруг стали сухими и твердыми. Острые когти впились в шею богатырскую.

– Стой, не папенька это, – не убивай без нужды – раздался нежный голос.

Василий почувствовал, что холодные руки уже не держат его. Встал, отряхиваясь.

– Зачем искал? – юная девушка была прекрасна той истинно русской красотой, которая заставляет из века сгорать от любви наших русских мужчин, – о, и букетик сушеный принес, – повертела она в руках мешочек с полынью и отбросила в сторону.

– Князь найти тебя просил, жалеет, что выгнал, – Василий грустно проводил взглядом полынь-оберег.

– Выгнал? – вспылила Аленушка, – да он проклял меня!

...

– Ты соврал мне князь, а ну, говори все, как на духу, а то, не погляжу, что князь, за вранье душу из тебя и выну – Василий склонился над старым князем.

Князь вздохнул.

– Прости богатырь, не было сил признаваться, в глупости, да грехе своем, – миловались мы с женой молодой, и входит Аленушка. Корить меня начинает, что, мол, година смерти матушки сегодня, а я непотребством занимаюсь.

Осерчал я дюже, ногами топтать начал, выгнал то дочку. Да проклятие вслед прокричал. А жена то нахваливает меня, мол, правильно, детей в почтении к родителям держать надобно.

– И впрямь непотребен ты, князь, да невежествен, – Василий горько вздохнул, – али не знаешь, что коли родители девицу невинную проклянут, русалкой она становится, к утопленникам жить уходит? Хватит у тебя духу да силы исправить все али, как басурман, на погост пойдешь непощенным?

...

Озеро манило к себе черно-зеленоватой глубиной. Луна разливала липко белесый сироп тумана. Пахло сладковатой ряской и мокрой землей.

– Дочка, прости меня, – князь Андрей с помощью Василия слез с коня и бухнулся на колени. Руки погрузились по локоть в вязкую воду, – хочешь, прокляни меня в ответ, только не сердчай на отца.

– Будет тебе, – призрачная рука опустилась на голову князя, – к жизни меня это не вернет, но душу освободит.

– Ты что это удумал, муженек, – сзади у сосны, хищно усмехаясь, стояла рыжеволосая зеленоглазая женщина. К девкам по ночам бегаешь, хрыч старый? Ну, раз уж пришел к озеру, мне же легче, тут и сдохнешь.

Василий, выхватив меч, шагнул вперед, загораживая князя. Ведьма махнула рукой и отбросила богатыря в воду. Тяжелая кольчуга тут же потянула на дно. Меч выпал из руки и серебряной рыбкой пошел на глубину. Обеими руками ведьма подняла князя за горло в воздух. В этот миг озеро вспенилось зеленоватыми силуэтами. Они облепили рыжеволосую женщину, как саван и потащили к воде. Ведьма начала дергаться всем телом и истошно закричала.

...

Мокрый, до нитки, богатырь сидел на берегу озера, поддерживая кашляющего князя. Меч, обернутый тиной, как ножнами, аккуратно лежал рядом.

– Я прощаю тебя, живи без боли, – Аленушка присела перед отцом, держа его руку в своей, – а твое прощение освобождает мою душу от этого озера.

Девушка начала таять, растворяться в воздухе и легким дымком поднялась вверх, прямо к освещенным луной облакам.

– Вот тебе наука, княже, на старости лет, – проговорил Василий, – слово проклятия, сказанное чаду твоему в сердцах, всю жизнь ему погубить может, да душу навечно ранит. Дети твои – плоть от плоти твоя, рода твоего продолжатели. Любить их надобно. Прости их, и прощенье к тебе любовью вернется.

Час волка

С треском разорвалось сплетенное кружево зелени кустов и огромный медведь, встав на дыбы и оскалив клыкастую пасть, рванулся к повозке княжны. Ударом мощной лапы он отбросил в сторону впряженную лошадь и повернул свирепую морду к девушке. Княжна Елена, в ужасе закрыла глаза и обреченно замерла, прикрыв голову руками. Василий выхватил меч и прямо из седла прыгнул в объятия «хозяина».

...

– Василий Ильич, ты уже сбереги дочку, ей только шестнадцать минуло, возьми с собой троих лучших богатырей и езжайте с княжной в Новгород, за стенами укроетесь – князь Муромский, Юрий Ярославович, – поднял усталое лицо на богатыря, – эх, чую, это расплата за грех мой давний.

Минувшая седмица нелегко далась князю. Закрытые городские ворота, усиленная стража, вооруженное войско, не смогли защитить жителей. Издали очевидцы видели огромную черную волчицу, лютующую на улицах да дворах. И с каждой ночью жертвы находили все ближе к княжьему терему. И было их все больше. Будто терем был центром, притягивающим злость и ненависть черной гостьи.

...

– Как же я оставлю тебя, даже для охоты, ладушка, – молодой князь Муромский нежно взял в руки ладонь жены, – ты ж вот- вот родишь мне наследника-богатыря, али дочь красавицу.

– Поезжай уж, сокол мой ясный, – княгиня тепло улыбнулась, приложив руки князя к своему большому животу, – добудь мне оленя али вепря трудом охотничьим.

...

– Спускай, – крикнул князь выжлятникам (охотники, ведущие на поводках свору гончих псов Прим. автора) – вишь, как разлаялись, вепрь видать матерый в кустах засел.

Собаки сорвались со сворки и исчезли в лесу. Внезапно раздался дикий визг. Лай усилился. Охотники бросились в кусты. На небольшой полянке, спиной к вырытой под корнями огромного дуба норе, стояла крупная волчица. Шерсть вздыбилась на загривке. С оскаленных клыков капала слюна, желтые глаза глядели яростно и одновременно отчаянно. Три лучших гончих лежали поодаль в последнем издыхании.

– Ах, ты ж падаль, – взвился от злобы князь, и выхватил охотничий топор – лучших гончаков мне погубила.

– Постой, княже, негоже эдак. Велес (древнеславянский бог – покровитель животных Прим. автора) не простит. Погляди – придержал за руку его выжлятник. Позади волчицы выползли из норки на свет божий несколько малых волчат. Голубые глазки смотрели на гостей доверчиво и удивленно.

– Не перечь, – выдернул руку князь, – все едино – убью.

Охота не удалась. На оставленной княжьей свитой полянке, рядом с убитой волчицей лежали шесть серых комочков. Будто сок лесной земляники густо запятнал пушистую шерстку.

...

Богатыри втроем с трудом стянули с Василия застывшего медведя. Меч прошел насквозь, пробив густую шкуру на спине. Но и Василию досталось. Удар мощной лапы разорвал на плече кольчугу и располосовал плечо. Кровь из рассеченной клыком щеки уже начала подсыхать. Княжна спрыгнула с повозки и, поднявшись на цыпочки, чмокнула богатыря в щеку.

– Спасибо тебе, сердечное, дядька Василий, вовек службы твоей не забуду, – и тут же рванулась обратно к повозке, ковыряясь в тряпках, – дозвожь рану твою перевязать.

– Не пойму, зачем «сам» на княжну то бросился, – покрутил ус Василий, – никогда ранее на людей не нападал, мирно с нами жил. Нападает он, только когда лес свой защищает.

Где-то в недалеке раздался тоскливый волчий вой. Ему вторил другой, от реки. В глубине чащи, в полосах густеющего вечернего тумана, мелькнули серые тени.

На лес падала вечерняя сырость. Потянуло зябким низовым ветерком. Тревожно шуршал сосновыми кронами недобрый лес.

– Живее, – подгонял всех Василий, – здесь избушка есть недалеко, там на ночь укроемся.

...

Ленивый огонек скупо освещал толстые бревенчатые стены небольшой избушки. Снаружи что-то тихонько потрескивало. В небольшое окно любопытно заглядывала бледная луна. Богатыри сидели в полном снаряжении, с мечами в руках.

– Поспала бы, княжна, а богатыри сон твой охранять тут будут, глаз не сомкнут, а я – Василий глянул в окошко на луну, – снаружи посторожу. Час Волка приближается.

Все приумолкли.

– Дядька Василий, а что это за Час Волка? – спросила княжна Елена, укрываясь плащом.

– Самое злое время в ночи, княжна, – ответил Василий, – серые сумерки не дают в этот час человеку пса от волка отличить. И тут вот и вылезит наружу вся нечисть, что в лесу густом живет, да добычу себе ищет, теплого тела жаждет, значит.

...

Василий вышел в ночь и прижал дверь спиной. Зябко повел плечами. В ближайших кустах что-то треснуло. Край полной луны начало заволакивать тучами. Серо-черный бархат тьмы стал вязко разливаться между сосен. Пришел Час Волка. Снова раздался волчий вой. Тоскливый, заунывный. Прямо за ближайшими деревьями. Ему отвечали звериные голоса за хижинкой и где-то сбоку. Василий выдохнул и поднял меч.

Внезапно в хижине раздался жуткий крик, шум борьбы. В дверь изнутри заколотили и все затихло. Василий рванул на себя дверь и отшатнулся. На пороге, на задних лапах, стояла огромная черная волчица. Из пасти капала свежая кровь. Вот только глаза у нее были не звериные, а зеленые, как у Елены. Страшный оборотень наклонил мощную голову к повязке на плече Василия, понюхал. И рванул прямо через лес в сторону Муромы. За ним, обтекая хижинку серым грозным потоком, ринулись волки.

...

Посмотри в себя. Ты ведь не совершал неправых дел? За твоим окном сгущается ночь. Что там шуршит? Наступает Час Волка.

Подкова

– Ой, тятка, гляди – подкова! – маленькая Танюшка व्यюном соскочила с телеги и побежала вперед лошади.

Аким задумчиво почесал бороду, но запрещать не стал. Уж больно любил он младшенькую. А Танюшка уже радостно забиралась на телегу, почти не измазавшись в дорожной грязи и довольная, протягивала отцу найденное сокровище.

– Мамка говорит, что подкова в доме – к счастью, а эта – очень красивая, можно нам ее взять? В горнице повесим, над входом.

Подкова и впрямь была необычной. Меньше лошадиной, изящная, мастерски сделанная, почти не стертая, из какого-то матового металла. Аким, как и любой крестьянин, немного разбирался в металле. Это точно не железо, но и не драгоценный металл. Так, видать сплав какой.

– Ладно, дочка, бери. Но наперед деду Василию покажем, как домой возвратимся, а позволит – уж так и быть – приладим над входом.

...

– Подкова, конечно странная, больно ладная какая-то, но вредного ничего не чую, – дед Василий отдал подкову обратно.

Дед Василий, несмотря на свои года, был мужиком статным и широкоплечим. Седой, как лунь, узловатые пальцы, кустистые брови. Говаривали, что в молодости он богатырем служил у князя, да не сладилося у него с князем чего-то. Зим пять назад пришел он из лесу, замерзший и голодный. Остаться до весны спросился, да и полюбился всем хуторянам. Упряжь починить, али свистульку ребятам выстрогать, корову полечить аль у бабы роды принять – все у него ладилось. В травах да в заговорах понимал, а уж мудрости в нем было через край. Сказки да былины детям сказывал так, что и взрослые мужики да бабы заслушивались. И еще нечистое чужал, да обман. Потому и советовались с ним хуторяне во всем.

– Деда, а тятка сказал, что если ты дозволишь, то приладим подкову над входом на удачу, – Танюшка, похоже, твердо решила довести дело до конца.

– Вот егоза, – погрозил дед Василий пальцем, – люд крещеный на удачу не упоает, – на Бога только, да на себя, – но приладить, пожалуй, можно. Не на удачу, а от нечисти, как оберег сильный.

– А как простая подкова от нечисти дом бережет? – слюбопытничала Танюшка.

– А о том история есть старинная, – дед Василий пригладил бороду.

Все домашние мигом побросали свои дела да расселись рядком, предвкушая интересную сказку.

– Давным-давно, в земле Аглицкой, – начал Василий, – жил капеллан Дунстан, ну поп по-нашему. И дал ему Бог умение металл ковать, кузнецом, значит, прослыл знатным. Денег за работу свою не брал, да люди благодарные в казну церковную подносили, кто что мог. И прознал о мастере таком дьявол, ну черт их аглицкий, значит. А черт, известное дело, тоже подковы на копытах носит. Приходит, значит, дьявол, к Дунстану и просит подковы для него сделать, цену высокую сулит. Ну, священник и говорит, что не пристало де ему деньги дьявольские брать, но и отказать просящему вера не позволяет.

– И сговорились? – Танюшка аж извертелась вся от интереса.

– Сговорились. Посулил дьявол желание любое в оплату работы исполнить. Сделал Дунстан ему подковы, а взамен потребовал, что б дьявол зарекся в дом тот заходить, в котором подкова над входом прилажена. На том и сговорились. И с тех давних пор дьявол-то свое слово и держит. В дома с подковой не заходит.

...

Свечерело. Темнота сгустилась над хутором. Заморосил мелкий дождь. Скотину загнали во двор, домашние собрались на ужин, зажгли лучины. Танюшка горделиво поглядывала на начищенную подкову, прилаженную над дверью.

Вдруг, от ворот послышался слабый вскрик. Почти плач. В темноте не видать, кто там стонет. Аким со старшими сыновьями взяли факелы, и пошли в темноту. Возвернулись скоро, принесли на руках мальчонку. Одет не очень богато, но чистенько. Черноволосый, белая косоворотка, синие штаны, аккуратные сапожки. Были. Один сапожок распорот по голенищу, и видна распухшая поврежденная нога.

– Танюшка, – велел отец, – ну-ка сбегай за дедом Василием. Вишь как мальчуган ногу повредил, ходить не может, пусть полечит чем.

Дед Василий вошел в горницу, стряхивая дождевые капли, обернулся к мальчугану.

– Ах ты тварь нечистая, – взвился Василий, – сдохни, собака. Василий схватил топор, что стоял у печки и во всю широту плеч размахнулся на мальчонку.

Раздался вскрик, и мальчонка у всех на глазах превратился в маленького чертенка. Худенький, весь в черной шерсти, челка над испуганными глазами, разбитая нога.

– Деда Василий, не убивай его, ему плохо, помочь надо, – Танюшка, вереща, повисла на руке с топором.

– Стой, – Аким встал поперек, – я его домой принес, как гостя, не позволю ему ущерб чинить.

– Ээх, что б вас, – дед Василий отбросил топор и, кряхтя, полез за пазуху за свертком с травами.

...

– Как же тебя угораздило то? – спросил Дед Василий чертенка, перебинтовывая ногу.

– Меня звать Велизар, – начал рассказывать чертенок, – меня папка взял с собой, учил зло всякое творить. А я заигрался с дикой кошкой и потерялся.

Я побежал разыскивать папку, споткнулся, разбил ногу и потерял подкову. Вон ту, что над дверью у вас. А без подковы я как домой вернусь? Вот и шел за вами, нога сильно разболелась, опухла, кто ж мне поможет. Доковылял, а в дом войти не могу, слово папка давал, нельзя нарушить. Так и топтался у ворот, не знал, что делать. Даже плакал. Замерз. Дождь начался. Поскользнулся.

...

Велизар ушел до рассвета. С солнцем все хуторяне занялись крестьянскими делами.

– Не жалко подковы то? – дед Василий расположился на завалинке, доставая табак.

– Не жалко, Велизару ведь помощь была нужна, а за подкову его домашние заругают – просто ответила Танюшка.

– Знаешь, малявка, а ведь ты урок мне, старому преподавала, – дед Василий затаился, – всю жизнь я боролся с нечистью, истреблял их, где мог. Через то всего лишился, и семьи и друзей. И думал, что хороший человек тот – кто землю нашу от нечисти да несправедливости очищает. А ночью сегодня понял еще и иное – тем человек и отличается от нечисти, что поможет нуждающемуся да немощному, защитит слабого не оборачиваясь на страх свой да выгоду свою.

Человек он всегда остается Человеком, на том наш род человеческий держится.

Поляница

– А ну-ка повернись девонька, – дед Василий откинулся на нагретой весенним солнышком завалинке и с удовольствием смотрел на Танюшку, – ты просто красавица стала. Весна яблоней расцвела, а ты еще краше. Стройная, аки березка, а лицом-то красна. Замуж тебе пора.

– Да брось ты деда, – зарделась Татьяна, – не за кого замуж-то идтить.

– Как не за кого? А вона Никола-кузнец. Парень что надо. Косая сажень в плечах, подковы руками гнет. Да и при деле опять же.

– Никола-то? Полез он намедни ко мне обжиматься. Прижала я его, значит, грудью к стене кузни, а он и ослаб бедолага. Ноги не держат. На что мне муж слабый такой? Детишки еще хлипкие пойдут. Замуж за того пойду, кто меня в поединке одолеет.

– В каком еще поединке, – дед аж привстал, – ты, что же еще удумала, егоза?

– Решила я, деда, в поляницы податься. Ну, немоготу мне стирки эти готовки. Да и матери с отцом я обузою, – Татьяна оправила платье и потупилась, – ты деда скажи мамке с папкою, что ушла мол, с твоего позволения, да благословения мне дай в дорогу.

– Вот одурачила ты меня, старого. А я все в толк не мог взять – почто девке бою мечевому учиться. Ты ж говорила тать, дескать, да басурман придут – мечом то сподручней оборониться, чем горшком да ухватом. А я, поверил. Поляницей то быть не легкое дело. Девка – богатырь и в поле бранное с воинами наравне идет, и в лесу с ними ночует. А коль рану получишь, так богатырь тебе кишки то обратно засовывать будет, не бабка-травница. Этого ли хочешь?

– Решила я деда. Русь оборонять от басурмана да нечисти хочу. Вот как ты. Ну а коли нет твоего мне благословения, – Татьяна сердито повернулась, – так сама уйду.

– Да стой ужо, – дед Василий, кряхтя, поднялся с завалинки – эх, мамка твоя мне всю бороду то выщипает.

Дед привел Татьяну в конюшню.

– Вот, бери Воронка, мне его торговец проезжий за лечение то отдал, – дед похлопал по шее коня – трехлетку, – на пашню то он непригоден. Для богатырского коня тож хлипок. Но для девки в самый, значит, раз. И вот еще, – Василий из-за стрехи достал сверток рогожки, развернул, – меч мой возьми, твой он теперь. Может и без затей он, да крепок и надежен. Лучшими Муромскими мастерами кован.

Танюшка со слезами благодарности поцеловала деда в небритую щеку

Пыль, взбитая копытами, медленно оседала на придорожную траву.

– Ни стрелы тебе, ни раны. Будь здорова, береги тебя Бог – дед перекрестил удаляющуюся фигурку.

...

– Чтой-то не больно ты на поляницу похожа, – староста с сомнением смотрел на Татьяну, – видал я девиц-богатырей, поляниц значит. В броне они, да в сапогах, да, кхм, в штанах. Но коли хочешь за дело то взяться, помогу, да награду, значит, соберу немалую. В пределах разумного.

– Говаривают, – Татьяна облокотилась на меч, – что в церковке старой у вас тут нечисть обитается. Так ли?

– Истинная правда, – староста вздохнул, – хорошая церковка была, чистенькая, намоленная. Да у прежнего старосты женка, значит, с нечистью якшаться начала, колдовала, на метле летала. Через то и сгинула. Богатыри проезжие, порешили ее, да наказали в земле неосвященной закопать, да кол осиновый-то в грудь вбить. А староста прежний, наказ не выполнил, сдурел совсем от горя. В церковь ее положил, отпевать собрался, душу ейную спасать. А баба его вскочила, плюнула ему в харю да сбежала. Староста прямо там, в церковке, и повесился. Цер-

ковь с тех пор стоит оскверненная, крест с главы свалился, нечисть ночами там веселиться. Нечисть ту извести надобно, но сложное то дело да опасное, не бралась бы ты, красавица.

...

Церковь стояла на пригорке, в стороне от деревни. Лучи заходящего солнца ласкали теплом обветшалые стены, стрекотали кузнечики. Медвяный запах клевера кружил голову.

Татьяна заткнула подол за пояс, как делают бабы при стирке белья в реке, обнажила меч и, осторожно приоткрыв дверь, вошла в церковь. Внутри было прохладно и пусто. Старые доски скрипели под ногой. В разбитые окна, сильно затянутые паутиной с трудом пробивались солнечные лучи, оставляя на полу теплые пятна. Иконостас был разрушен. Где-то под дырявым куполом, шевелились и ворковали птицы. Никого не было. Пустота.

– Каким ветром занесло, девонька, – прозвучал сзади насмешливый скрипучий голос.

Татьяна вздрогнула от неожиданности и повернулась всем телом, выставив вперед меч. На высоком аналое (подставка для икон и книг прим. автора), сидел маленький бесененок. Щуплое тельце покрыто мягкой черной шерсткой. Копытца, хвост. Огромная голова с красными глазами и острозубым ухмыляющимся ртом.

– От нечисти храм сей избавлю, – уверенно произнесла Татьяна.

– Шла б ты, девица, подобру-поздорову. Не справишься ты. Правду говорю, – серьезно сказал бесененок.

– А вот и поглядим, – Татьяна махнула мечом.

Бесененок отпрыгнул и когтями зацепился за деревянную стену.

– Оглянись, – пропищал он и гаденько захохотал.

Сзади стояло на полу, сидело на мебели и стенах пять десятков таких же бесенят. Они враз прыгнули, стали скакать по полу и вертеться в воздухе, как новогодние снежинки в метель. Татьяна почувствовала, что ее хватают за уши, нос, руки, ноги. Она вертелась, как дед Василий учил, да не тут-то было. Хохотливый верещащий веселый гомон окружал со всех сторон.

– Что надобно? – бесенята отстали и расселись вокруг, издевательски щебеча и переговариваясь. На Татьяну смотрела женщина, вся в белом, да лицом синяя и уродливая.

– Храм сей, для веры предназначен, а вы его опозорили и обесчестили, уходите, – Татьяна, запыхавшись, грозно глядела на ведьму.

– Обесчестили, говоришь, ну-ка свяжите ее, – махнула рукой ведьма.

Бесенята тут же сорвались с мест, закружили, бросили на пол. Меч выпал, а бесенята связали Татьяну на полу крестом – руки – ноги врозь растянута на веревках.

– Вот сейчас и узнаешь, что такое бесчестить, – хищно склонилась над Татьяной ведьма.

В этот миг хлипкая дверь церковки под сильным ударом слетела с петель. В широкий проем протиснулся огромный черт. Могучая грудь, поросшая черной шерстью, вздымалась колесом. Ярились красные глаза, рога царапали притолоку. Черт дышал тяжело, как бык-производитель.

– Пошли все прочь, – прорычал он.

Нечисть как ветром сдуло. Черт подошел к растянутой на полу Татьяне, наклонился и поднял лапу с острыми когтями. Татьяна прикрыла глаза и начала молиться.

Неожиданно черт перерезал когтем веревки. Еще не веря, Татьяна вскочила, кувыркнулась, подхватила меч с пола и забилась в угол. Черт прошел к окошку. Сорвал паутину и в церковку полились лучи заходящего солнца. И враз превратился в высокого статного юношу. Белая косоворотка. Коричневые штаны заправлены в мягкие сапоги. Подошел прихрамывая.

– В угол забилась, ну чисто кошка дикая, не шипишь только, – улыбнулся юноша.

– Велизар, ты ли? – Танюшка бросилась на шею черту, – я уже совсем с жизнью попрощалась. Спасибо, что от ведьмы да бесов спас.

– Так и ты ж меня маленького от смерти спасла. Помнишь, когда подкову мою вернула, что в грязи нашла, да от деда Василия, известного охотника за нечистью, оборонила. Подкова

та из металла особого кована. От освященной земли нас защищает. А я по незнанию ступал на землю ту свободно. Вот и разрослась рана обычная. Так бы и сгинул к исходу дня, кабы не ты. До смерти своей буду тебе за то благодарен. Вот еще подарок у меня для тебя.

Велизар извлек из воздуха рубаху полотна тончайшего.

– Рубаха эта особая – от оружия обычного стрелы да меча не защитит тебя. А вот от оружия колдовского, али заклинания нечистого – лучше всякой крепости оборонит. А коли легко так грудь обжимать начнет...

– Чего начнет? – перебила, зардевшись, Танюшка.

– Ну, я ж черт все же, не серчай, – значит я рядом. Смело зови на помощь. Всегда помогу-выручу. А старосте скажи, пусть церковку эту снова отстраивает, не будет тут ведьмы боле, заигралась больно стерва.

Наступило неловкое молчание.

– Велизар, скажи, вот ведь ты нечистый, зло творить должен, а спас меня, подарками вот дорогими одариваешь. Как так?

– Зло и добро, нечисть и святость – все это две стороны одной монеты – мира нашего. А в мире нашем, русском, законы общие испокон века установлены.

Добром за добро платить следует. И благодарным делающему добро быть надобно. Законы эти предки нам завещали. На законах этих земля наша русская то и держится.

Чистый лист

– Вот, дочка, возьми эти наручи, – старый Евпатий протянул Танюшке пару добротных, со следами ударов, железных наручей, – с ними- то сподручнее будет, чем со щитом. Прежде, чем басурман поймет, почему он руку тебе не разрубил, ты его то и одолеешь.

С самого утра жители деревни, прознавшие про то, что Танюшка нечисть в старой церкви извела, несли в дом старосты подарки. Кто творог, кто молока крынку, кто сапожки. Кузнец приладил по Танюшкиной фигуре длинную мужскую кольчугу. Сам староста, краснея и заикаясь, принес новые синие штаны. Дескать, неловко девице в длинной юбке по лесам скакать, да мечом махать. А в короткой негоже – срамота одна.

Танюшка все подарки принимала, как отец учил, сердечно благодаря. (По русскому обычаю сердечно благодарить – поклониться в благодарность, прижав руку к сердцу. Прим. автора). Потому как дар, принесенный с чистой душой, да чистым сердцем, также с добрым сердцем и принят быть должен.

Переодевшись за печкой, подпоясав кольчугу мечом, Танюшка вышла на середку горницы покрасоваться.

– Ай, красавица, – сложила умильно руки на груди хозяйка, – тебе бы замуж, деток нарожать, а не по полям – ратям скитаться.

– Татьяна Антиповна, – раздался из сеней голос старосты, – тута просители к тебе, прими, не откажи.

Танюшка, зардевшись, как роза, от того, что ее величают именем-отчеством, присела за стол. Вошедший крестьянин, остановился у порога, комкая шапку, поклонился в пояс.

...

– Вот, значит, Настенька, дочка моя, – начал крестьянин, – как стала девицей на выданье, так все о замужестве постоянно и мечтала. Мишка-гонтарь поженухался, да не сладилося у них, бросил. С Федором соседским тож не получилось. Настюха прям извелася вся. В девках остаться боялась. Свеклой то румяна наведет, да на ярмарку пойдет, себя показывать. Все никак муж не сыщется. А тут, как на грех, старик ентот объявился. Говаривают люди, что колдун он, девицам мужей найти помогает и плату невеликую берет. Настя прям к нему и наладилась, да пропала. И старик тож пропал. Помоги дочку сыскать, Татьяна Антиповна, изъяви милость, чует сердце – пропадет она,

...

Тропинка, на которой люди старика видели в последний раз, привела в старый дремучий лес. Зло, дремлющее в лесу, искривило деревья, мох да плесень наружу повылазили. Солнце почти не проникало через густые еловые кроны деревьев. Пахло влажностью, прелью. Не пели птицы. Гнусно зудели комары.

Танюшка, осторожно понукая Воронка, придерживая меч, что бы не звякнул ненароком, тихонько продвигалась вперед, туда, откуда был слышен заунывный голос. На прогалине мох и черника образовали небольшой холмик, на котором лежала без памяти девица в белом длинном платье. Над ней наклонился старикашка, расстегивая девичье платье и что-то монотонно повторяя. Невысокий, почти карлик, неопрятно одетый, с крючковатым носом и длинной, до пояса, седой, ухоженной бородой.

– Ты что это удумал, нехристь поганый, – с коня окликнула его Танюшка.

Старик вздрогнул, резко повернулся и, увидев Танюшку, приосанился.

– Не часто встретишь поляницу в таких местах, – старик довольно осматривал Танюшку, поглаживая бороду, – а красна то, как яблонька, нежна, как ландыш. Иди ко мне в жены, я тебя в золото, шелка да парчу одену, подарки буду дарить да любить, самой старшей моей женой назначу.

– За муж пойду только за того, кто в поединке меня одолеет, а это не ты, старик. Верни мне Настеньку, да ступай подобиру-поздорову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.